
Измена генерала.
Только дочери не говори
Ливия Норвейн

Ливия Норвейн

Измена генерала. Только дочери не говори

«Автор»
2026

Норвейн Л.

Измена генерала. Только дочери не говори / Л. Норвейн — «Автор», 2026

— Только дочери не говори, — попросил муж, когда я застала его с другой женщиной на нашей кухне.Двадцать четыре года брака. Два года измен. И всего четыре месяца до свадьбы нашей единственной дочери.Мой муж — генерал. Он привык отдавать приказы и уверен, что я снова сделаю так, как ему удобно. Надену красивое платье, улыбнусь гостям, встану рядом с ним на семейной фотографии. А потом мы «спокойно все решим».Но я больше не собираюсь спасать его репутацию ценой собственного счастья.Я подаю на развод и рассказываю дочери правду. И тогда выясняется страшное: ее жених уже давно знал о любовнице моего мужа. И тоже молчал.Теперь под угрозой не только моя семья, но и свадьба дочери.А вскоре в моей жизни появляется мужчина, рядом с которым я снова чувствую себя любимой и желанной.Вот только он — отец жениха моей дочери.И теперь мне предстоит решить, готова ли я снова отказаться от собственного счастья ради спокойствия остальных.

© Норвейн Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Только дочери не говори 5
Глава 2. Я скажу сама 27
Глава 3. Он тоже знал 54
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Ливия Норвейн
Измена генерала. Только дочери не говори

Глава 1. Только дочери не говори

Первым я заметила чужое пальто.

Оно висело в прихожей рядом с курткой Виктора. Светлое, с широким поясом и крупными перламутровыми пуговицами. Я точно знала, что утром его там не было.

Я остановилась, держа в руках сумку с продуктами.

Встречу с переводчицей перенесли на вторник. Она позвонила, когда я уже приехала в центр, долго извинялась и объясняла, что заболел ребенок. Я сказала, что ничего страшного, зашла в магазин и вернулась домой на три часа раньше, чем собиралась.

По дороге купила Виктору его любимые груши. Он вчера жаловался, что в последнее время в магазинах попадаются одни твердые.

Груши лежали в пакете поверх хлеба.

Из кухни доносились голоса.

Женский я узнала не сразу. Сначала услышала негромкий смех, затем муж сказал:

— Ну перестань. Я же объяснил.

Голос у него был такой, какого я давно не слышала. Мягкий, немного насмешливый.

Я прошла по коридору.

Виктор стоял у кухонного окна, обнимая женщину в темно-синем платье. Одной рукой он держал ее за талию, другой придерживал за затылок. Она приподнялась на носки и поцеловала его.

Он ответил на поцелуй.

Я успела увидеть, как женщина улыбнулась ему прямо в губы.

Потом Виктор заметил меня.

Руки он убрал не сразу. Сначала посмотрел поверх ее плеча, будто пытался понять, почему я оказалась здесь. Только потом отступил.

— Надя?

Женщина обернулась.

Это была Кира Арсеньева.

Я встречала ее на мероприятиях, которые организовывали для бывших сотрудников управления. Высокая, ухоженная, с темными волосами до плеч. В прошлый раз мы разговаривали у гардероба, пока ждали Виктора. Кира рассказывала о каком-то большом благотворительном вечере, а я слушала и думала, как ловко она умеет находить общий язык с людьми.

Тогда она назвала моего мужа человеком, на которого всегда можно положиться.

Сейчас Кира стояла посреди моей кухни и смотрела на пакет в моей руке.

— Надежда Андреевна, я...

Она замолчала.

Я поставила продукты на ближайший стул. Из пакета выкатилась одна груша, ударилась о ножку стола и покатилась к холодильнику.

Никто не наклонился ее поднять.

— Вы можете уйти? — спросила я.

Кира взглянула на Виктора.

Он молчал.

— Конечно, — ответила она. — Я сейчас.

Она прошла мимо меня в коридор. Я слышала, как она надевала пальто, как щелкнула застежка сумочки. Один раз ее каблук задел металлическую подставку для зонтов.

Мне почему-то захотелось сказать ей, чтобы она не испачкала светлое пальто о мокрую стену возле двери. Там накануне протекла водосточная труба, и мы еще не успели все исправить.

Я ничего не сказала.

Кира вышла. Входная дверь закрылась негромко.

Виктор сделал шаг ко мне.

— Надя, давай спокойно.

Я посмотрела на него.

На муже были темные домашние брюки и голубая рубашка с расстегнутым воротом. Утром он собирался переодеться в поло и ехать на встречу с бывшими коллегами. Видимо, передумал.

— Сколько? — спросила я.

Он нахмурился.

— Что сколько?

— Сколько времени ты с ней спишь?

Виктор отвел взгляд.

Я подождала.

Он подошел к столу, отодвинул стул, но не сел. Потом выпрямился.

— Это сложный разговор.

— Я задала простой вопрос.

— Надя...

— Полгода? Год?

— Почти два.

Я не сразу поняла, что он произнес.

— Два чего?

— Года.

За окном сосед поливал клумбу. Вода из шланга била по земле короткими рывками. Я смотрела, как мужчина переступает через дорожку, придерживая шланг ногой.

Почти два года.

Не две недели. Не случайная встреча, после которой муж не знал, как вернуться домой.

Два года.

За это время мы отметили мою годовщину работы с издательством. Отпраздновали двадцать третью годовщину свадьбы. Вместе выбирали дочери подарок на окончание учебы. Ездили к морю на пять дней, потому что Виктор наконец согласился отдохнуть.

В прошлом ноябре я заболела так сильно, что почти неделю не вставала. Он привозил лекарства, проверял температуру, ругался, если я пыталась работать с ноутбуком в постели.

И все это время у него была Кира.

— Ты ее любишь? — спросила я.

Виктор потер переносицу.

— Я не знаю, что тебе сейчас ответить.

— То, что есть.

— У нас с ней отношения. Были отношения.

— Были?

Он посмотрел на меня с досадой.

— Ты же понимаешь, что сейчас я не могу подобрать правильные слова.

Я кивнула.

Это я действительно понимала. Виктор всегда злился, когда разговор не получалось закончить быстро. На службе он привык принимать решения и получать доклады. Дома ему нравилось, когда после его объяснения вопрос считался закрытым.

Раньше я даже шутила над этим.

— Ты собирался мне сказать?

Он молчал.

— Виктор?

— Нет, — ответил он наконец. — Не собирался.

Странно, но именно этот ответ оказался самым понятным.

Он не мучился выбором. Не готовил признание. Не искал подходящего момента.

Если бы переводчица не заболела, я вернулась бы после шести. Кира давно уехала бы. Муж встретил бы меня обычным вопросом, что будем ужинать. Возможно, попросил бы нарезать груш.

— Ты приводил ее сюда раньше?

— Нет. Сегодня впервые.

— Почему сегодня?

— Нам нужно было поговорить.

— О чем?

— Это касалось наших отношений.

— О чем именно?

Виктор шумно выдохнул.

— Она хочет определенности.

— А ты?

— Я не собираюсь разрушать семью.

Я посмотрела на стул, где лежали продукты.

Он сказал это с такой уверенностью, словно семья была вещью, которую можно не трогать, пока занимаешься чем-то другим.

— То есть ты собирался продолжать жить со мной?

— Мы и так живем с тобой, Надя.

— И встречаться с Кирой?

— Я не сказал, что собираюсь продолжать.

— Но два года тебя все устраивало.

— Ничего меня не устраивало!

Он повысил голос и тут же замолчал.

Я впервые за все время почувствовала злость.

Не ту сильную злость, которую показывают в кино, когда женщина швыряет бокал в стену. Мне просто надоело вытягивать из него ответы, которые он обязан был дать сам.

— Тогда почему ты не прекратил?

Виктор отошел к окну.

— Ты думаешь, я могу сейчас объяснить тебе все за пять минут?

— У тебя было два года, чтобы разобраться.

Он повернулся.

— Надя, у нас давно все не так, как раньше. Мы оба это знаем.

— Что именно не так?

— Мы почти не разговариваем. Ты постоянно занята своими рукописями, у меня свои дела. Вечерами каждый сидит в своей комнате.

— И поэтому ты завел любовницу?

— Я не говорю, что это оправдание.

— Ты только что начал с этого.

Он снова провел рукой по лицу.

Я знала это движение. Обычно так Виктор реагировал на людей, которые не понимали очевидного.

— Мне было одиноко, — сказал он.

Я чуть не переспросила.

Одиноко.

Когда два года назад Виктор особенно тяжело переживал предстоящий уход со службы, я сидела с ним на кухне до двух ночи. Он боялся, что после отставки перестанет быть кому-то нужен. Я слушала его, хотя утром нужно было сдавать рукопись и я уже третий день спала по пять часов.

Потом помогала разбирать архивы, обзванивала знакомых, договаривалась с фотографом для его книги воспоминаний, которую он так и не начал.

Мы вместе выбирали место для первой поездки после отставки. Он в последний момент отказался, потому что его пригласили на важное мероприятие.

Я ездила одна на три дня. Он каждый вечер звонил и спрашивал, когда вернусь.

Я не считала это подвигом. Мне казалось естественным поддерживать мужа, который проходит через трудный период.

Теперь выяснялось, что он чувствовал себя одиноким.

— Почему ты мне не сказал? — спросила я.

— Говорил.

— Когда?

Он задумался.

— Разве дело в точной дате?

— Да. Для меня сейчас многое в датах.

Виктор отодвинул стул и сел.

— Мы стали жить как соседи.

Я уселась напротив, потому что ноги вдруг начали дрожать.

— Виктор, две недели назад ты просил меня отменить поездку к Марине. Сказал, что мы давно никуда не выбирались вдвоем. Я отменила. Мы пошли в ресторан, который ты выбрал. Ты почти весь вечер разговаривал по телефону.

— Это был важный звонок.

— Я помню. Ты так и сказал.

Он ничего не ответил.

— Мне надо было понять, что ты несчастен?

— Я не перекладываю на тебя вину.

— Тогда не надо перечислять, чего тебе не хватало во мне. Ты мог сказать, что хочешь развестись.

— Я не хотел разводиться.

— А чего хотел?

Он долго смотрел на меня.

— Сохранить то, что у нас есть.

Я поднялась.

В холодильнике стоял суп, который я сварила вчера. Виктор любил, когда суп был погуще, поэтому половину овощей я размяла отдельно. На средней полке лежал контейнер с запеченным мясом. Я собиралась сделать из него ужин.

Мой муж два года спал с другой женщиной, а я знала, какой густоты он любит суп.

Я закрыла холодильник, так ничего и не достав.

— Я хочу развода, — сказала я.

Виктор тоже встал.

— Подожди.

— Я услышала достаточно.

— Ты сейчас в шоке.

— Да.

— Нельзя принимать такие решения в таком состоянии.

— А когда можно? После ужина?

Он резко отвел взгляд.

— Давай не будем говорить друг другу вещи, о которых потом пожалеем.

— Я пока говорю только о разводе.

Виктор обошел стол и остановился рядом.

— Надя, мы двадцать четыре года вместе.

— Я знаю.

— У нас дочь. Дом. Общая жизнь. Неужели ты готова все перечеркнуть за один разговор?

Я посмотрела на него.

Он и правда не понимал.

— За один разговор?

— Ты поняла, что я имею в виду.

— Нет, Виктор. Я узнала об этом сегодня. А ты жил так два года.

Он взял меня за локоть.

Не сильно. Просто привычным движением, каким всегда придерживал, когда хотел, чтобы я дослушала.

Я отняла руку.

— Не трогай меня.

Он убрал ладонь.

Несколько секунд мы стояли молча.

Потом Виктор сказал:

— Только дочери не говори.

Я даже не сразу поняла, к чему он это.

— Что?

— Соне. Не надо сейчас ничего рассказывать.

— Почему?

— Потому что через четыре месяца у нее свадьба.

Он заговорил быстрее, словно наконец нашел аргумент, который должен был меня убедить.

— Она столько готовилась, Надя. Ты сама знаешь. Они с Матвеем уже оплатили половину подрядчиков. Ресторан забронирован. Платье заказано. Ты представляешь, что с ней будет, если сейчас выяснится, что ее родители разводятся?

Я опустилась обратно на стул.

Виктор сел напротив.

— Давай хотя бы до свадьбы ничего не менять. Ради нее. Потом спокойно решим, что делать дальше.

— Ты предлагаешь мне четыре месяца притворяться твоей женой?

— Я предлагаю не ломать дочери праздник.

— А Кира?

— С Кирой я разберусь.

— Каким образом?

— Это уже мое дело.

Я медленно выдохнула.

— Значит, с ней ты разберешься сам, а я должна изображать счастливую жену?

— Не надо передергивать. Никто не просит тебя изображать счастье.

— Мы будем вместе встречать гостей?

— Конечно. Мы же родители.

— Вместе фотографироваться?

— Надя, что за вопросы?

— И если кто-то скажет, что у нас замечательная семья, я должна улыбнуться?

Виктор ничего не ответил.

Я вспомнила, как неделю назад Соня присылала нам фотографии свадебных приглашений.

Она выбирала между двумя вариантами. Один был с тонкими золотыми буквами, другой с темно-зеленой рамкой.

Виктор тогда сказал, что совершенно не разбирается в такой ерунде, и предложил довериться мне. Соня обиделась, я потом долго объясняла ей, что отец просто устал.

И вот теперь этот же человек просил меня сохранить красивую семейную картину, в которую сам давно не верил.

— Ты хоть понимаешь, что предлагаешь? — спросила я.

— Я предлагаю подумать о дочери.

— Я о ней и думаю.

— Тогда давай не будем торопиться.

— Ты решил за нее, что ей лучше жить в неведении.

— Она не обязана знать подробности наших отношений.

— Подробности не обязана. Но она имеет право знать, что мы разводимся.

— Мы еще не разводимся.

— Я тебе сказала, что хочу развода.

Виктор сжал губы.

— Утром поговорим, когда ты успокоишься.

Я поняла, что он считает разговор законченным.

Как всегда.

Мне захотелось закричать. Не столько из-за Киры, сколько из-за его уверенности, что он вправе назначить срок, когда я начну чувствовать правильно.

Вместо этого я встала.

— Я скажу Соне сама.

— Надя.

— Не сегодня. Я хочу поговорить с ней лично. Но скрывать не буду.

— Ты испортишь ей свадьбу.

Эти слова больно ударили.

Я давно привыкла отвечать за то, чтобы у Сони все было хорошо. Когда дочь болела, я сидела возле ее кровати. Когда поступала, мы вместе готовили документы. Когда она впервые сильно поссорилась с Матвеем, я слушала ее до утра, стараясь не давать советов, о которых она не просила.

Теперь муж говорил, что именно я могу испортить дочери самый важный день.

Я посмотрела на Виктора и спросила:

— А ты об этом думал, когда начинал встречаться с Кирой?

Он отвел глаза.

— Это нечестно.

Я не нашла, что ответить.

Нечестно.

Наверное, ему действительно казалось, что я использую дочь, чтобы сделать ему больнее.

Я вышла из кухни.

В прихожей все еще пахло чужими духами.

На стуле возле двери лежала моя сумка. Я взяла ее, прошла в кабинет и закрылась.

***

Рабочий кабинет был самой маленькой комнатой на первом этаже.

Когда мы строили дом, Виктор предлагал сделать здесь вторую гардеробную. Потом я нашла у знакомых старый письменный стол, сама отшлифовала его столешницу, купила лампу и убедила мужа, что мне необходимо место для работы.

Он согласился, хотя иногда говорил, что я слишком серьезно отношусь к своим книгам.

— Все равно ведь работаешь для удовольствия, — любил повторять он.

Я не спорила.

В первые годы после рождения Сони я действительно брала заказы редко. Мы постоянно переезжали, и мне приходилось подстраивать работу под новый город, школу, расписание мужа.

Потом дочь выросла. Я постепенно вернулась к постоянной редактуре, нашла издательства, с которыми было приятно сотрудничать.

За последние семь лет мои заработки стали достаточно стабильными. Не такими, как у Виктора, но я могла оплачивать собственные расходы и откладывать деньги.

И все равно в разговорах с гостями муж называл это моим увлечением.

Я садилась за стол и молчала. Мне казалось, что не стоит портить вечер из-за одного неудачного слова.

Сейчас я включила ноутбук и открыла рукопись, которую должна была закончить к среде.

На экране появилась реплика героини:

«Я всегда знала, что могу тебе доверять».

Я закрыла файл.

На столе стояла фотография, сделанная семь лет назад. Мы с Виктором сидели на веранде небольшого кафе у моря. Он обнимал меня за плечи, я смеялась, потому что официант никак не мог объяснить фотографу, куда нажимать на нашем телефоне.

Я помнила этот день.

Утром мы долго гуляли, потом зашли в магазин, где Виктор купил мне слишком дорогой шелковый платок. Я отказывалась, он настоял.

Вечером мы сидели на пляже до темноты. Он рассказывал о первой командировке, я вспоминала институт.

Тогда мне было тридцать семь.

И я была счастлива.

Мне хотелось найти среди воспоминаний момент, после которого все изменилось.

Наверное, это произошло не сразу.

В какой-то год я перестала ждать, что Виктор сам предложит куда-нибудь поехать. Стала заранее бронировать столики, выбирать фильмы, искать свободные выходные.

Он чаще отвечал, что устал.

Я принимала его усталость всерьез. У мужа действительно была трудная служба.

Но сейчас я знала, что силы на другую женщину у него находились.

Я взяла фотографию и положила ее лицом вниз.

Телефон завибрировал.

«Мам, привет! У тебя случайно не сохранилось видео, где я маленькая с папой пеку пирог? Помнишь, у меня еще вся кофта в муке была?»

Соня.

Следом пришла еще одна фотография — вариант свадебного букета.

«И посмотри, пожалуйста, какой лучше. Мне кажется, этот слишком пышный».

Я несколько секунд смотрела на экран.

Дочка была уверена, что сейчас я дома, занимаюсь своими делами и могу спокойно выбирать с ней цветы.

Я даже набрала:

«Первый лучше. Видео поищу вечером».

Потом стерла сообщение.

Соня с детства любила пересматривать домашние записи. Ее особенно смешили моменты, где отец серьезным голосом объяснял ей, как правильно готовить что-нибудь на кухне, а сам умудрялся рассыпать муку или разбить яйцо.

Виктор действительно был хорошим отцом.

Он забирал дочь из детского сада, когда мог. Читал ей перед сном книги, устраивал походы, учил плавать. Однажды посреди зимы три часа искал по всему городу определенную куклу, которую Соня попросила у Деда Мороза.

Я помнила, как он вернулся поздно вечером, замерзший, с большой коробкой под мышкой.

— Нашел, — сказал он тогда с такой гордостью, будто выполнил чрезвычайно сложное задание.

В его любви к дочери я никогда не сомневалась.

От этого было еще труднее.

Я написала:

«Сонь, видео должно быть на старом диске. Завтра посмотрю. Букет мне нравится, но главное, чтобы тебе самой было удобно его держать».

Дочка прислала сердечко.

Потом спросила, как у нас дела.

Я набрала «хорошо» и остановилась.

Не хотелось врать.

Но и рассказывать о двадцатичетырехлетнем браке сообщением между фотографиями цветов я не собиралась.

«Я дома. Поработаю немного и лягу пораньше».

Это была правда.

Соня ответила, что любит меня.

Я долго смотрела на эти два слова.

Потом написала, что тоже ее люблю.

Телефон я положила рядом с ноутбуком, экраном вниз.

За дверью послышались шаги.

Виктор постучал.

— Надя?

— Что?

— Можно войти?

Я не ответила сразу.

Он постучал еще раз.

— Я хочу поговорить.

— Мы уже поговорили.

— Мне нужно кое-что объяснить.

— Я сейчас не могу.

Он помолчал.

— Ты ужинать будешь?

Я закрыла глаза.

Этот вопрос оказался неожиданно тяжелым.

Еще утром мы обсуждали, что вечером приготовим мясо с овощами. Виктор обещал почистить картошку, если я куплю все остальное.

Обычно он выполнял такие обещания. Мог забыть о важном разговоре, но картошку чистил старательно, тонко снимая кожуру, чтобы не оставалось ни одного темного пятнышка.

— Нет, — ответила я.

— Ты ничего не ела с утра.

— Виктор, пожалуйста, оставь меня одну.

— Хорошо.

Он ушел.

Через несколько минут я услышала, как на кухне открыли холодильник.

Потом заработала микроволновка.

Я сидела за столом и думала, что мы с мужем, возможно, впервые за много лет будем ужинать порознь не из-за работы и не из-за ссоры по пустякам.

Я не представляла, как буду жить дальше.

Знала только, что за один стол с ним сегодня не сяду.

***

Марине я позвонила около восьми вечера.

Она ответила не сразу. На фоне слышались голоса и музыка.

— Надь, я перезвоню через пять минут? У меня тут гости.

— Марин, у тебя завтра свободно?

Подруга замолчала.

— Что случилось?

— Можно я к тебе приеду?

— Конечно. А что с голосом?

Я попыталась ответить нормально.

— Виктор мне изменяет.

На том конце стало тихо.

— Что?

— У него другая женщина. Два года.

Марина несколько секунд ничего не говорила. Потом я услышала, как она попросила кого-то убавить музыку.

— Ты где сейчас?

— Дома.

— Он рядом?

— Нет. В другой комнате.

— Я могу приехать.

— Не надо. Я хотела спросить, можно ли пожить у тебя несколько дней.

— Сколько понадобится.

— Не знаю пока.

— Не обязательно решать сейчас. Приезжай хоть сегодня.

Мне стало трудно говорить.

Мы с Мариной познакомились еще в институте. За эти годы она видела меня после проваленного экзамена, на свадьбе, в роддоме, после смерти отца. Я видела ее развод, первый самостоятельный ремонт и то, как она научилась жить одна без постоянного страха, что ей не хватит денег.

Она никогда не говорила, что знает, как лучше.

Может быть, поэтому я позвонила именно ей.

— Я завтра, — сказала я. — Мне надо кое-что собрать.

— Хорошо. Только напиши, когда будешь выезжать.

— Спасибо.

— Надь, ты уверена, что хочешь быть там до утра?

Я посмотрела на закрытую дверь.

— Да. Он не тронет меня.

— Я не про это.

Я поняла.

— Просто не хочу сейчас никуда ехать. Я очень устала.

— Тогда ложись. И не пытайся сегодня все решить.

— Поздно. Я уже решила разводиться.

Марина вздохнула.

— Я имела в виду, что не надо за один вечер решать всю оставшуюся жизнь. С разводом разберемся отдельно.

Я села удобнее.

— Он просит не говорить Соне.

— Почему?

— Из-за свадьбы.

— А ты что ответила?

— Что скажу сама.

— Правильно.

Я помолчала.

— Марин, а если она действительно отменит свадьбу?

— Может и отменить.

— Она так готовилась.

— Надь, я сейчас скажу неприятную вещь. Ты не сможешь гарантировать, что у Сони не будет плохих дней. Даже если сама проживешь всю жизнь так, чтобы никого не расстроить.

Я услышала щелчки зажигалки, а затем Марина выругалась шепотом.

— Ты куришь? — спросила я.

— Нет. Свечка погасла. Я на кухне.

Я неожиданно рассмеялась.

Всего на секунду.

Потом стало стыдно.

— Я тут смеюсь, — сказала я.

— И что?

— Не знаю.

— Тебе теперь четыре месяца нельзя смеяться?

— Виктор считает, что четыре месяца мне вообще лучше ничего не делать.

Марина выругалась.

Я никогда не слышала от нее такого выражения по телефону.

— Прости, — сказала она. — Просто я сейчас очень на него злюсь.

— Я тоже.

И, произнеся это вслух, почувствовала облегчение.

До этого я пыталась понять, что должна делать. Как правильно поговорить. Как не расстроить дочь. Как объяснить развод людям, которые много лет знали нас одной семьей.

Но я имела право просто злиться.

Марина сказала, что подготовит постель в гостевой комнате и купит утром хлеба.

Мы договорились созвониться после завтрака.

Когда разговор закончился, я еще немного посидела в темноте.

Затем взяла с полки папку с документами.

Не знала, что именно понадобится для развода. У нас был дом, приобретенный в браке, общие накопления, машина Виктора, моя машина, несколько счетов. В таких вопросах я предпочитала сначала разобраться, а уже потом принимать решения.

Я положила рядом паспорт, документы на работу, банковские бумаги, которые хранились у меня, и ноутбук с зарядкой.

Дом был нашим.

Я не собиралась отказываться от своей доли только потому, что больше не хотела спать с мужем под одной крышей.

Но жить здесь сейчас тоже не могла.

Когда я закончила, на часах было почти одиннадцать.

Виктор снова постучал.

— Надя, ты спишь?

— Нет.

— Я поставил тебе чай.

Я посмотрела на дверь.

— Не надо.

— Он уже стоит у входа.

Пришлось встать.

Я открыла дверь.

Виктор стоял в домашних брюках и футболке. В руках ничего не держал. На полу возле стены был поднос с кружкой и тарелкой бутербродов.

— Ты же не ела, — сказал он.

Я опустила взгляд.

Он приготовил мне бутерброды с сыром. Огурцы нарезал тонко, как я любила.

— Спасибо, — ответила я.

— Надь...

Он посмотрел через мое плечо и увидел документы на столе.

— Ты что делаешь?

— Собираю вещи.

— Куда?

— Завтра поеду к Марине.

— Зачем?

Я помолчала.

— Мне нужно побыть отдельно.

— Ты можешь оставаться здесь. Это твой дом.

— Я знаю.

— Я могу уехать, если тебе так будет удобнее.

Предложение было разумным.

Я даже подумала, что, возможно, через несколько дней мы к нему вернемся.

Но сейчас мне хотелось оказаться в месте, где не будет его рубашек, его чашки и нашей общей кровати.

— Завтра я поеду к Марине, — повторила я. — Потом решим.

Виктор кивнул.

— Надя, я не хочу тебя терять.

Я посмотрела ему в лицо.

За двадцать четыре года я изучила его очень хорошо. Знала, как он выглядит, когда устает, когда волнуется, когда пытается скрыть обиду.

Сейчас он действительно был испуган.

Раньше я бы обязательно попыталась его успокоить.

Сказала бы, что нам нужно поговорить, что все можно исправить, что я тоже не хочу разрушать семью.

Но я больше не могла обещать то, во что сама не верила.

— Ты ведь понимал, что можешь меня потерять? — спросила я.

Он не ответил.

— Когда начинал с ней встречаться. Когда первый раз мне соврал. Когда приходил домой после нее.

— Надя, я...

— Я просто хочу понять.

Виктор посмотрел на свои руки.

— Я думал, что смогу это закончить.

— А потом?

Он молчал.

— А потом оказалось, что можно ничего не заканчивать, — сказала я.

Он поднял голову.

— Я виноват. Я признаю. Но это не значит, что нужно сейчас уничтожить все, что у нас было.

Я смотрела на него и вспоминала, как мы познакомились.

Мне было девятнадцать. Он уже работал, много ездил, казался невероятно взрослым. Я училась на филологическом факультете, подрабатывала корректором и мечтала однажды редактировать книги, которые будут читать по всей стране.

Виктор пришел на день рождения моего двоюродного брата. Весь вечер спорил с кем-то о машинах, а потом проводил меня до остановки.

Было холодно, автобус задерживался. Он снял свою куртку и накинул мне на плечи.

— Замерзнешь, — сказал тогда.

Я ответила, что не маленькая.

Он рассмеялся.

Через полгода мы поженились.

На нашей свадьбе Виктор смотрел на меня так, будто больше никого в зале не было.

Я хорошо помнила этот взгляд.

И мне было больно от мысли, что где-то между той остановкой и сегодняшним днем он начал смотреть так на другую женщину.

— Я не могу сейчас разговаривать, — сказала я.

Виктор кивнул.

— Хорошо.

Он сделал шаг назад, затем остановился.

— Только, пожалуйста, не звони Соне сегодня.

Я закрыла дверь.

Он продолжал думать о том, как управлять последствиями.

***

Ночью я почти не спала.

Сначала пыталась устроиться на небольшом диване в кабинете. Потом принесла подушку из гостевой комнаты. После полуночи стало холодно, и я пошла за пледом.

В коридоре горел ночник.

Дверь нашей спальни была закрыта.

Я остановилась перед ней.

Виктор, наверное, спал.

Он умел засыпать даже после тяжелых дней. Часто говорил, что иначе на службе давно сошел бы с ума.

Я вспомнила, как еще вчера утром поправляла на нем воротник рубашки.

Мы собирались позавтракать вместе, но ему позвонили, и он торопился выйти.

— Вечером увидимся, — сказал он на пороге.

Я поцеловала его в щеку.

Потом весь день работала и не вспоминала об этом.

Сколько таких обычных поцелуев было за последние два года?

Сколько раз он возвращался от Киры, ужинал со мной, обсуждал счета, спрашивал про Соню?

Мне хотелось узнать точные даты. Посмотреть переписку, восстановить поездки, выяснить, в какие дни он говорил неправду.

Я даже взяла телефон.

У меня был доступ к нашему общему электронному календарю. Там отмечались семейные дела, приглашения, поездки. Я могла начать сверять события.

Но почти сразу отложила его.

Не потому, что мне было безразлично.

Я боялась, что найду ответ на каждый вопрос и все равно не смогу понять главного.

Почему ему было недостаточно того, что у нас было?

В два часа ночи я вышла на кухню выпить воды.

Виктор сидел за столом.

Перед ним стояла пустая чашка, рядом лежал телефон.

Он поднял голову.

— Не спишь?

— Нет.

Я налила воду.

Он смотрел, как я пью.

— Я тоже не могу, — сказал он.

Я поставила стакан в раковину.

— Надя, можно тебя спросить?

— Смотря о чем.

— Ты правда решила развестись?

Он произнес это тихо, без привычной твердости.

Я обернулась.

— Да.

— Совсем?

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

Он потер ладонью щеку.

— Неужели нельзя хотя бы попробовать?

— Виктор, ты сегодня сказал, что собирался скрывать от меня Киру. Я не знаю, сколько еще продолжалось бы это, если бы я не вернулась раньше.

— Я понимаю.

— А теперь ты предлагаешь мне жить с тобой еще четыре месяца ради свадьбы.

— Я хотел, чтобы Соня не пострадала.

— Она все равно пострадает. Потому что ее родители расстаются.

Он сжал пальцы на чашке.

— Это можно было бы решить между нами.

— Нет. Ты мог бы решить между нами, если бы честно сказал мне, что несчастен и хочешь другого. Мы могли бы поговорить. Может быть, разойтись. Но ты сделал так, что я два года вообще не знала, какой у нас брак.

Виктор долго молчал.

Потом сказал:

— Я тебя любил, Надя. И люблю.

Мне стало так больно, что пришлось опереться рукой о столешницу.

Я очень хотела, чтобы это было правдой.

Еще вчера такие слова заставили бы меня подойти к нему, обнять, уткнуться лицом в плечо.

Сейчас я не знала, что с ними делать.

— Наверное, ты по-своему меня любишь, — ответила я. — Но я больше не знаю, что для тебя означает это слово.

Он не попытался меня остановить.

Я вернулась в кабинет и закрыла дверь.

Уснула только под утро.

***

В воскресенье я проснулась от запаха кофе.

Сначала даже не вспомнила, что произошло.

За окном светило солнце. Где-то в саду шумели птицы. Из кухни слышался звон посуды.

Я потянулась к телефону.

Было без четверти девять.

В обычное воскресенье мы с Виктором завтракали вместе. Он просыпался раньше и готовил кофе, а я делала сырники или омлет.

Потом мы обсуждали планы на неделю.

Я села на диване, поправила волосы и увидела на столе папку с документами.

Все вернулось.

Не постепенно, как в кино, а сразу.

Я вспомнила руки Виктора на талии Киры. Ее светлое пальто. Фразу про два года.

И особенно отчетливо — его просьбу не говорить дочери.

Вчера я не плакала.

Наверное, слишком много пыталась понять.

Теперь слезы пошли сами.

Я сидела на диване и закрывала лицо ладонями, хотя никто меня не видел.

Мне было жалко себя.

Жалко ту девчонку, которая выходила за Виктора замуж и верила, что с ним не придется бояться будущего.

Жалко молодую мать, которая ждала его из командировок.

Жалко женщину, которую я видела на фотографии у моря.

И особенно жалко было саму себя сегодняшнюю, потому что мне предстояло объяснять собственной дочери, почему мы с ее отцом больше не будем жить вместе.

Я плакала довольно долго.

Потом умылась холодной водой, переоделась и стала собирать сумку.

Вещей набралось больше, чем я рассчитывала.

Ноутбук, документы, лекарства, несколько комплектов одежды. Косметика, зарядки, очки, рабочие блокноты.

На полке лежала маленькая коробка с украшениями. Я взяла свои серьги, любимую цепочку, а затем увидела часы, которые Виктор подарил на сорокалетие.

Хорошие часы. Я носила их почти каждый день.

Положила в косметичку.

Не собиралась избавляться от всего, что напоминало о муже. Я еще не знала, как буду относиться к этим вещам через месяц.

С обручальным кольцом оказалось сложнее.

Оно сидело плотно. Пришлось намылить палец, чтобы снять.

На коже осталась светлая полоска.

Я положила кольцо в небольшую коробку из-под сережек и убрала в ящик стола.

Потом открыла шкаф за папками.

Там хранились семейные фотографии и старые диски с видео.

На одной коробке моей рукой было написано:

«Соня. 2008–2011».

Я достала ее.

На крышке скотч начал желтеть. Внутри лежали диски с неровными надписями: «Утренник», «День рождения», «Море», «Новый год».

Нужное видео, наверное, было где-то здесь.

Я принесла коробку на стол, открыла ноутбук, собираясь проверить старые файлы.

Затем вспомнила, зачем Соня просила запись.

Для свадебного фильма.

Она хотела показать гостям, как росла, как папа учил ее готовить, как мама смеялась за камерой, как они вместе отмечали праздники.

И я вдруг поняла, что пока не могу даже выбрать, какой из этих дней показать незнакомым людям.

Я закрыла коробку.

Поставила обратно на полку.

Свадебный фильм подождет.

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть.

— Надя, я приготовил завтрак.

Виктор.

— Спасибо, я потом поем.

— Ты скоро уезжаешь?

— После обеда.

— Давай я тебя отвезу.

— Не надо.

— Я все равно собирался в город.

— Я вызову такси.

Он помолчал.

— Может, все-таки поедим вместе?

Я посмотрела на сумку у дивана.

— Нет, Виктор.

— Хорошо.

Шаги удалились.

Я села за стол и открыла телефон.

Марина уже написала:

«Комната готова. Не торопись, я дома весь день. Купила твой хлеб с семечками».

Я ответила, что приеду около двух.

Потом увидела сообщение от Сони.

«Мам, привет. Мы с Матвеем сегодня едем выбирать кольца. Папа говорил, что может заехать с нами, но у него, кажется, дела. Ты не хочешь?»

Я почувствовала, как снова сжалось горло.

Сегодня дочь выбирала обручальные кольца.

Ей хотелось, чтобы родители участвовали в этих приготовлениях, потому что она считала нас счастливыми.

Я не могла сейчас поехать с ними.

Да и не хотела присутствовать при выборе колец, постоянно глядя на собственную руку, где еще вчера было обручальное.

«Солнышко, сегодня не получится. Выбирайте то, что нравится вам обоим. Потом обязательно покажешь».

Соня прислала грустный смайлик.

«Ты работаешь даже в воскресенье?»

Я смотрела на сообщение.

Неужели я действительно настолько привыкла объяснять любую свою усталость работой?

«Нет, просто плохо себя чувствую. Не заболела, не переживай. Хочу отдохнуть».

Это тоже было правдой.

Я не болела.

Мне было очень плохо, но температуру измерять не требовалось.

Соня написала, чтобы я берегла себя.

И снова прислала сердечко.

***

Около полудня я вышла на кухню.

Виктор сидел за столом с ноутбуком. Перед ним лежал блокнот, в котором он обычно записывал дела.

При моем появлении он сразу закрыл экран.

Раньше я не обратила бы внимания.

Теперь заметила.

И возненавидела это ощущение.

Мне не хотелось превращаться в женщину, которая следит за движением глаз собственного мужа, прислушивается к звонкам и пытается угадать, с кем он переписывается.

— Ты поешь? — спросил Виктор.

— Сделаю себе бутерброд.

Я достала хлеб и сыр.

Он поднялся.

— Давай я приготовлю.

— Я справлюсь.

Виктор остановился.

Я понимала, что он пытается сделать что-то хорошее. Возможно, впервые за сутки задумался, как мне сейчас трудно.

Но я не могла принимать его заботу спокойно.

Даже обычный бутерброд превращался в попытку доказать, что он по-прежнему хороший муж.

Я сама нарезала хлеб.

Села напротив.

Несколько минут мы молчали.

— Я ночью думал, — сказал Виктор.

Я посмотрела на него.

— О чем?

— О нас.

Он потер руки, затем положил ладони на стол.

— Я не прошу тебя сразу простить. Понимаю, что это невозможно. Но мы столько лет вместе, Надя. Мне кажется, ты сейчас видишь только самое плохое.

— Я вижу то, что вчера узнала.

— Да. Но все остальное ведь тоже было.

Я отложила нож.

— Было.

Он заметно расслабился.

— Вот. Я об этом и говорю.

— Виктор, я не собираюсь утверждать, что все двадцать четыре года ты меня обманывал. Я помню хорошее. Очень много хорошего.

Он кивнул.

— Значит, ты понимаешь...

— Но это не отменяет двух последних лет.

Он снова замолчал.

Я посмотрела на мужа.

На его висках появилась седина. У правой брови был небольшой шрам, полученный еще до нашего знакомства. На безымянном пальце блестело кольцо.

Я знала его тело, привычки, выражения лица.

И вдруг поняла, как много теперь о нем не знала.

— Ты встречался с Кирой во время нашей поездки в Казань? — спросила я.

Виктор нахмурился.

— Какой?

— В прошлом октябре. Когда ты сказал, что вернешься на день позже из-за совещания.

Он долго смотрел на меня.

— Да.

Я кивнула.

Это было то самое чувство, которого я боялась ночью.

Одно маленькое воспоминание изменилось навсегда.

В день его возвращения я приготовила ужин. Он привез Соне подарок, а мне — коробку конфет. Я еще шутила, что мог бы купить нормальные местные сладости, а не те, что продаются в каждом супермаркете.

Теперь знала, что в той поездке была Кира.

— А в декабре? — спросила я.

— Надя, не надо.

— Почему?

— Ты сейчас начнешь вспоминать каждый день. Тебе станет только хуже.

— Возможно.

Он потянулся через стол, но остановился.

— Я готов ответить. Только не так. Давай сядем спокойно и поговорим обо всем.

Я посмотрела на него.

— Мы сидим спокойно.

Он отвел взгляд.

Я поняла, что больше не хочу задавать вопросы.

По крайней мере сейчас.

Может быть, позже мне понадобится узнать какие-то даты. Может быть, захочется выяснить, где именно началась их история.

Но сегодня я получила достаточно ответов.

— Завтра я встречусь с Соней, — сказала я.

Виктор вскинул голову.

— Ты уже договорилась?

— Пока нет. Сейчас напишу.

— Надя, пожалуйста.

Он говорил почти шепотом.

Мне стало его жалко.

На секунду захотелось положить ладонь поверх его руки и сказать, что мы как-нибудь справимся.

Раньше я так и делала.

Если Виктор переживал из-за работы, неприятного разговора, неудачного решения, я находила слова, чтобы ему стало легче.

Но теперь причиной моего горя был он сам.

И я не могла снова утешать его за собственный счет.

— Я не собираюсь рассказывать Соне подробности твоей связи, — сказала я. — Но скажу, что у тебя другая женщина и я решила разводиться.

— Может, хотя бы после ее дня рождения?

— День рождения у нее в июле.

— Ну вот. Времени немного осталось.

— Потом будет свадьба. Потом медовый месяц. Потом какие-нибудь другие события.

Виктор покачал головой.

— Я просто прошу подумать о ней.

— Я думаю.

— Тогда почему ты так спешишь?

Я посмотрела на часы.

Без десяти час.

Скоро приедет такси. Я поеду к Марине, потому что впервые за много лет не смогу нормально находиться в собственном доме.

— Виктор, — сказала я, — ты не представляешь, как сильно мне сейчас хочется, чтобы всего этого не было.

Он поднял глаза.

— Надя...

— Я бы многое отдала за возможность вернуться во вчерашнее утро и ничего не знать. Но тогда у тебя по-прежнему была бы Кира. А я по-прежнему считала бы нас семьей, в которой никто никого не предает.

Я с трудом договорила.

— Мне очень больно. И я не хочу, чтобы Соня испытывала то же самое. Но я не могу защитить ее, притворившись, что ничего не случилось.

Виктор опустил голову.

Несколько минут он молчал.

Потом спросил:

— Она меня возненавидит?

Я не знала.

Не знала, заплачет ли Соня. Начнет ли кричать. Откажется ли разговаривать с отцом.

Я сама с трудом выдерживала его присутствие.

— Не знаю, — ответила я. — Но она твоя дочь. Ты сможешь с ней поговорить.

Он поднял глаза.

— Ты поможешь мне?

Я посмотрела на мужа.

Просьба была настолько привычной, что он, кажется, даже не заметил, как ее произнес.

Я всегда помогала ему готовиться к сложным разговорам с Соней.

Когда он забывал о ее выступлении, я подсказывала, как извиниться. Когда они ссорились из-за выбора профессии, я сначала выслушивала дочь, потом объясняла мужу, почему его слова так ее задели.

Иногда они мирились за ужином, который готовила я.

— Нет, Виктор, — сказала я. — С этим тебе придется справиться самому.

Он медленно кивнул.

Я доела бутерброд, хотя совершенно не чувствовала вкуса.

Потом помыла за собой тарелку и ушла собирать последние вещи.

***

Такси приехало в два пятнадцать.

Виктор вынес мою сумку на крыльцо.

День был солнечным, но прохладным. В саду только начинали появляться зеленые листья. На клумбе возле забора пробились тюльпаны, которые мы с Соней сажали прошлой осенью.

Виктор поставил сумку у калитки.

— Если что-нибудь понадобится, звони.

— Хорошо.

— Ты же понимаешь, что можешь вернуться в любой момент?

— Да.

Он посмотрел на дом.

— Может, все-таки мне лучше уехать, а ты останешься?

Я тоже обернулась.

За большим окном гостиной виднелся наш диван. На подоконнике стоял цветок, который я выращивала уже несколько лет.

Этот дом я любила.

И не хотела, чтобы он навсегда остался связан с тем днем, когда я увидела чужую женщину на кухне.

— Потом решим, — сказала я. — Сейчас мне нужно уехать.

Виктор подошел ближе.

Я увидела, что он хочет обнять меня.

Наверное, по привычке.

Я отступила на полшага.

Он остановился.

— Надя, я все еще надеюсь, что ты передумаешь.

— Я знаю.

Таксист открыл багажник.

Виктор поднял сумку и поставил внутрь.

— Позвони, когда доедешь.

Я села в машину.

Он закрыл дверцу и остался стоять у калитки.

Когда мы выехали на улицу, я обернулась.

Муж все еще смотрел нам вслед.

Я знала, что он испуган. Знала, что ему трудно принять происходящее.

И все равно не попросила водителя остановиться.

***

Марина встретила меня без лишних вопросов.

Открыла дверь, забрала сумку и показала комнату.

На кровати лежало свежее белье, на тумбочке стояла бутылка воды. Возле окна она поставила небольшой столик для ноутбука.

— Вот, — сказала подруга. — Работать сможешь здесь. Если будет неудобно, переставим.

Я обняла ее.

Марина сначала удивилась, потом крепко прижала меня к себе.

— Надь, ну ты чего.

Я заплакала.

На этот раз совсем не смогла сдержаться.

Мы стояли посреди коридора, и я плакала ей в плечо, как когда-то в двадцать лет, после глупой ссоры с Виктором, когда была уверена, что он меня бросит.

Только тогда мы помирились через два часа.

А теперь я сама уехала.

Марина не пыталась меня успокаивать словами. Просто дождалась, пока я смогу дышать нормально, и отвела на кухню.

Там пахло свежим хлебом и жареной курицей.

— Ешь, — сказала она, поставив передо мной тарелку.

— Не хочу.

— Тогда посиди, пока я поем. Я с утра носилась и сама голодная.

Я села.

Она налила чай, порезала хлеб.

Мы немного поговорили о простых вещах. О ее работе, о соседях сверху, которые опять затеяли ремонт. О том, что в городе неожиданно рано включили полив газонов.

Я слушала и понемногу приходила в себя.

Потом Марина спросила:

— Что собираешься делать завтра?

— Поговорю с Соней. Потом, наверное, найду юриста.

— А где будешь жить?

— Пока здесь. Но надолго я тебе мешать не хочу.

— Ты мне не мешаешь.

— Марин...

— Надя, у меня две комнаты, а я одна. Хватит считать, сколько квадратных метров ты у меня отнимаешь.

Я улыбнулась.

— Хорошо.

— И не вздумай сейчас снимать первое попавшееся жилье, только чтобы быстрее от меня съехать.

— Я посмотрю спокойно.

Она кивнула.

— Вот и правильно.

Я рассказала ей о доме и наших общих счетах. О том, что часть накоплений у меня есть, но я пока не понимаю, сколько понадобится денег.

Марина предложила контакты знакомого юриста.

Я записала номер.

Потом мы снова замолчали.

— Ты его еще любишь? — спросила она.

Я посмотрела в чашку.

Вопрос показался странным.

Еще вчера я не задумывалась об этом. Просто любила мужа, как любила последние двадцать четыре года. Не каждый день с одинаковой силой. Иногда раздражалась, иногда злилась, иногда скучала, даже когда он был дома.

Но никогда не представляла, что однажды придется отделять любовь от желания жить вместе.

— Да, — ответила я. — Наверное, люблю.

Марина кивнула.

— Тогда тебе будет особенно трудно.

— Я все равно хочу развестись.

— Я поняла.

Она не стала говорить, что любовь пройдет. Не пообещала, что через месяц я встречу человека лучше.

Просто налила мне еще чаю.

И за это я была ей благодарна.

***

Вечером я наконец написала Соне.

Долго выбирала слова.

Хотелось пригласить ее просто на кофе, как мы делали раньше. Но она могла приехать вместе с Матвеем. А мне нужно было поговорить с дочерью наедине.

Я написала:

«Сонь, давай завтра увидимся после твоей работы. Только мы вдвоем. Мне нужно с тобой поговорить».

Ответ пришел почти сразу.

«Конечно. Что-то случилось?»

Я посмотрела на экран.

Рядом на диване сидела Марина и читала новости. Она не заглядывала в мой телефон.

Я написала:

«Да. Ничего с моим здоровьем, не пугайся. Но разговор серьезный. Хочу рассказать лично».

Соня позвонила.

Я ответила.

— Мам? — голос у нее был тревожный. — Что происходит?

Я глубоко вдохнула.

— Сонечка, давай завтра встретимся.

— Вы с папой поссорились?

Я закрыла глаза.

— Да, у нас проблемы.

— Серьезные?

— Серьезные.

Она помолчала.

— Он тебя обидел?

Я посмотрела на Марину.

Подруга отложила телефон.

— Да, доченька, — ответила я. — Обидел.

Соня шумно выдохнула.

— Мам, я могу сейчас приехать.

— Не нужно. Я у Марины. Со мной все в порядке. Завтра спокойно поговорим.

— Ты не дома?

— Нет.

— А папа знает, где ты?

— Знает.

Она снова помолчала.

— Я тогда после работы приеду. Часов в шесть. Хорошо?

— Хорошо.

— Мам, ты точно нормально себя чувствуешь?

Я посмотрела на собственные руки.

Палец без кольца казался непривычно голым.

— Не очень, Сонь. Но я справлюсь.

Она тихо сказала:

— Я тебя люблю.

Я сжала телефон.

— И я тебя, родная.

Мы попрощались.

Я положила телефон на колени и несколько минут сидела неподвижно.

Теперь обратной дороги не было.

Завтра Соня узнает, что ее отец два года встречался с другой женщиной. Узнает, что родители разводятся. Возможно, расплачется, рассердится на меня за то, что я не смогла сохранить семью, или на него за то, что он ее разрушил.

Я не знала, как пройдет наш разговор.

Не знала, что будет со свадьбой.

Не знала даже, где буду жить через месяц.

Марина протянула мне салфетку.

— Ну что?

Я вытерла щеки.

— Завтра в шесть.

— Хочешь, я тебя отвезу?

— Нет. Я сама.

Она кивнула и больше не спрашивала.

За окном постепенно темнело.

Где-то в соседней квартире громко смеялись люди. На улице проехала машина. У Марины на кухне работал чайник.

Все продолжали жить своей обычной жизнью.

А я сидела в чужой гостиной с сумкой вещей, ноутбуком и документами на столе, пытаясь привыкнуть к мысли, что мой брак закончился.

Мне было страшно.

Я боялась разговора с дочерью. Боялась развода, одиночества, пустой квартиры, в которую однажды придется возвращаться после работы.

Боялась, что завтра проснусь и захочу поехать домой, сделать вид, будто ничего не произошло.

Но еще сильнее я боялась однажды обнаружить, что снова прожила несколько лет, соглашаясь на жизнь, которую выбрал за меня другой человек.

Я взяла телефон и открыла последнее сообщение Виктора.

Он написал всего полчаса назад:

«Надя, подумай, пожалуйста, о Соне. Мы еще можем все уладить».

Я прочитала его дважды.

Потом ответила:

«Я уже подумала. Завтра мы поговорим с дочерью. После этого начнем решать вопрос с разводом».

Виктор почти сразу начал печатать ответ.

Я видела появляющиеся и исчезающие точки.

Наконец пришло:

«Ты делаешь ошибку».

Я положила телефон на стол.

Возможно, впереди меня действительно ждали ошибки.

Но скрывать от дочери разрушение нашей семьи ради удобства человека, который сам ее предал, я больше не собиралась.

Глава 2. Я скажу сама

В понедельник утром я проснулась за сорок минут до будильника.

Несколько секунд лежала неподвижно, пытаясь понять, где нахожусь. Потолок был незнакомым, занавески тоже. Вместо высокого шкафа напротив кровати стоял узкий комод, на котором Марина оставила вазу с сухими цветами.

Потом я увидела свою дорожную сумку у стены.

И вспомнила.

За окном проехала машина. Где-то в квартире зашумела вода.

Я потянулась к телефону.

От Виктора было четыре сообщения.

Первое он отправил вчера в одиннадцать вечера. Спрашивал, как я устроилась. Потом написал, что дома очень тихо. В половине второго ночи сообщил, что не может уснуть.

Последнее пришло в шесть утра.

«Надя, я понимаю, что ты злишься. Но давай хотя бы не будем принимать окончательных решений до свадьбы».

Я прочитала его дважды.

Он все еще считал, что дело в моей злости.

Будто я могла успокоиться, вернуться домой, приготовить завтрак и продолжить жить рядом с ним, пока не наступит подходящий день для развода.

Я положила телефон на тумбочку.

Сегодня в шесть должна была приехать Соня.

Вчера вечером я думала только о том, как сказать ей правду. Теперь, когда до встречи оставалось несколько часов, мне вдруг захотелось ее отложить.

Позвонить дочери и объяснить, что плохо себя чувствую. Попросить приехать через неделю. Или после выходных.

Я представляла ее лицо, когда произнесу слово «измена», и понимала, что не готова увидеть эту боль.

Но Соня уже знала, что между нами с отцом случилось что-то серьезное.

Заставлять ее еще неделю строить догадки было бы жестоко.

Я встала, заправила постель и пошла на кухню.

Марина сидела у окна с чашкой кофе и просматривала рабочие сообщения.

— Доброе утро, — сказала она. — Чайник горячий. Яйца в холодильнике, хлеб в шкафу.

— Спасибо.

— Спала?

— Немного.

Она отложила телефон.

— Виктор звонил?

— Писал.

— Что хочет?

— Чтобы мы ничего не решали до свадьбы.

Марина покачала головой.

— Удобно придумал.

Я достала кружку.

— Он правда любит Соню. Я понимаю, почему боится.

— Можно любить дочь и при этом поступить с ее матерью отвратительно. Одно другого не отменяет.

Я налила чай.

Марина поднялась и достала из холодильника масло.

— Ты сегодня к ней едешь?

— Она сюда приедет. После работы.

— Тогда я уйду часа на два. У меня как раз дела в городе.

— Тебе необязательно уходить.

— Знаю. Но вам лучше поговорить вдвоем.

Я села за стол.

— Марин, а если она меня обвинит?

Подруга посмотрела на меня.

— В чем?

— В том, что я развожусь. Что не хочу подождать до свадьбы.

— Может, и обвинит. Она расстроится, испугается, скажет что-нибудь сгоряча. Ты же ее знаешь.

Я кивнула.

Соня с детства была вспыльчивой. Могла расплакаться от обиды, хлопнуть дверью, а через двадцать минут прийти мириться. С возрастом научилась лучше сдерживаться, но переживала все так же остро.

— Мне страшно, — призналась я.

Марина пододвинула ко мне хлеб.

— За нее?

— За нас обеих.

Подруга ничего не ответила.

Я сделала себе бутерброд, откусила маленький кусочек и поняла, что больше не могу.

— Я не хочу разрушить ее представление о семье.

— Надь, ты ведь сама понимаешь, кто это сделал.

— Понимаю. Только ей от этого не легче.

Марина села напротив.

— Послушай, она уже взрослая. У нее своя жизнь. Ей будет больно, но ты не обязана придумывать удобное объяснение поступкам Виктора.

Я покрутила кружку между ладонями.

— Он вчера спросил, поможет ли ему кто-нибудь поговорить с ней.

— Кто-нибудь — это ты?

— Да.

Марина усмехнулась без веселья.

— Даже сейчас.

— Я отказалась.

— И правильно.

Я посмотрела в окно.

Во дворе дворник сгребал прошлогодние листья. Молодая женщина в светлой куртке вела за руку ребенка. Он то и дело останавливался, показывая на что-то под ногами, а она терпеливо ждала.

Я вспомнила, как водила Соню в детский сад.

Она никогда не хотела идти быстро. Ей обязательно нужно было рассмотреть каждую кошку, каждый цветок, каждую красивую машину.

Однажды мы опоздали на утренник, потому что по дороге нашли раненого голубя и пытались устроить его в коробку.

Виктор тогда страшно рассердился.

А вечером сам поехал искать ветеринара.

В нашей семье было много хорошего.

От этого правда не становилась менее страшной.

***

До обеда я пыталась работать.

Открыла рукопись, прочитала первые три страницы и поняла, что совершенно не помню содержание.

Пришлось начать заново.

Я редактировала перевод современного романа. Переводчица прислала исправления еще в пятницу, и к среде мы собирались согласовать спорные места. Вчерашнюю встречу перенесли на вторник из-за болезни ее ребенка.

Работа требовала внимания к каждой фразе.

А я постоянно возвращалась мыслями к одному и тому же.

Два года.

За эти два года Соня окончила институт. Виктор ушел в отставку. Мы отметили двадцать третью годовщину свадьбы. Дочь сообщила, что они с Матвеем собираются пожениться — через полтора года после того, как впервые привела его знакомиться с нами.

В тот вечер Виктор поднял бокал и сказал, что счастлив видеть, как наша девочка выросла.

Я сидела рядом и держала его за руку.

Интересно, он тогда уже встречался с Кирой?

Я знала ответ.

Отложила рукопись и открыла рабочий календарь.

В конце мая мне предстояло сдать два проекта. Один был почти готов, второй требовал серьезной редакторской работы. Обычно я планировала день так, чтобы успевать готовить ужин, заниматься домом и решать возникающие семейные вопросы.

Теперь я могла иначе распределять время.

Мысль показалась почти неприличной.

Будто я собиралась извлечь какую-то выгоду из разрушения брака.

Я закрыла календарь.

Потом открыла снова.

Работа никуда не исчезла. Договоренности с издательством тоже. И мне нужно было выполнять их независимо от того, что происходило в личной жизни.

Я перенесла несколько задач на вторую половину недели, ответила переводчице и проверила почту.

Среди писем оказалось сообщение от свадебного ресторана.

Администратор напоминала о встрече в четверг. Нужно было утвердить предварительную расстановку столов и обсудить размещение родственников, которые приедут из других городов.

Раньше я с удовольствием занималась подобными вопросами.

Теперь даже слово «свадьба» заставляло меня напрягаться.

Я не знала, захочет ли Соня продолжать подготовку.

И не имела права решать за нее.

Я закрыла письмо, не отвечая.

***

Марина действительно ушла до приезда Сони.

Перед уходом поставила на стол чай, печенье и нарезанные яблоки.

— Если понадобится, звони. Я недалеко.

— Спасибо.

— Надя, только не пытайся ее успокоить раньше, чем она вообще поймет, что произошло.

Я посмотрела на подругу.

— Ты меня слишком хорошо знаешь.

— Двадцать пять лет знакомы. Было время изучить.

Она улыбнулась, взяла сумку и вышла.

Я осталась одна.

Поправила чашки, передвинула тарелку с яблоками, затем вернула на прежнее место.

В половине шестого снова посмотрела на телефон.

Соня написала, что уже едет.

Я села в кресло, потом встала. Прошла на кухню, проверила чайник и вернулась в гостиную.

За пять минут до шести раздался звонок в дверь.

Соня стояла на пороге в светлых джинсах, короткой куртке и с большим бумажным пакетом в руках.

— Привет, мам.

Я обняла ее.

Она обняла меня в ответ, крепко, обеими руками.

— Ты чего такая бледная?

— Плохо спала.

Соня отстранилась и внимательно посмотрела мне в лицо.

— Ты плакала?

— Да.

Она перестала улыбаться.

— Мам, что случилось?

— Проходи. Давай сядем.

Соня сняла куртку.

В пакете оказались пирожные из нашей любимой кондитерской.

— Я тебе купила, — сказала она. — Там опять появились те, с малиной.

Я посмотрела на коробку.

В другой день мы обязательно открыли бы ее сразу. Соня выбрала бы самое красивое пирожное, потом предложила мне половину и в итоге съела бы почти все сама.

Сегодня она поставила пакет на стол и села на диван.

— Ну говори.

Я устроилась рядом, но оставила между нами небольшое расстояние.

Руки дрожали.

Соня заметила.

— Мам, ты меня пугаешь.

— Я знаю. Прости.

— Папа заболел?

— Нет. Со здоровьем у него все в порядке.

— Тогда что?

Я глубоко вдохнула.

— Сонечка, мы с папой разводимся.

Она смотрела на меня несколько секунд.

Потом нахмурилась.

— В смысле?

— Я приняла решение развестись с ним.

— Вы поссорились?

— Да. Но дело не в обычной ссоре.

Соня перевела взгляд на мои руки.

Я впервые пожалела, что сняла кольцо. Не потому, что хотела его вернуть, а потому, что дочь сейчас заметит эту деталь и ей станет еще больнее.

— Мам, объясни нормально.

Я заставила себя посмотреть ей в глаза.

— У папы другая женщина. Я узнала об этом в субботу.

Соня не шевельнулась.

Я продолжила:

— Он признался, что встречается с ней почти два года.

Дочь медленно покачала головой.

— Нет.

Я молчала.

— Мам, нет. Ты что-то неправильно поняла.

— Я сама их увидела. Дома.

— Что значит увидела?

— Они целовались на нашей кухне. Потом папа рассказал мне об их отношениях.

Соня уставилась на меня так, будто я заговорила на незнакомом языке.

— Два года?

— Да.

— Это точно?

— Он сам сказал.

Она резко встала.

Прошла к окну, потом вернулась.

— Подожди. Папа? Наш папа?

Я кивнула.

— С кем?

— С Кирой Арсеньевой.

Соня нахмурилась.

— Это которая с темными волосами? Она еще на папином вечере была?

— Да.

Дочь закрыла рот ладонью.

На том вечере мы стояли втроем у сцены. Виктор принимал поздравления от бывших коллег, а Кира помогала организаторам рассаживать гостей.

Соня тогда заметила, как хорошо на ней сидит темно-зеленый костюм.

Я вспомнила это только сейчас.

— Она же со мной разговаривала, — тихо сказала дочь.

— Знаю.

— Спрашивала про свадьбу. Про Матвея.

Я не знала, что ответить.

Соня снова села.

— И папа все это время...

Она не договорила.

Я подвинула к ней стакан воды.

Она не взяла.

— Он что, собирался уйти к ней?

— Не знаю. Мне сказал, что не хотел разводиться.

— Тогда зачем она ему?

Я опустила глаза.

Это был вопрос, на который я и сама не могла ответить.

— Я не знаю, Сонь.

Дочь несколько секунд смотрела на меня.

Потом спросила:

— Ты его простишь?

Мне стало тяжело дышать.

— Нет.

— Совсем?

— Я не хочу продолжать с ним жить.

Она отвернулась.

Я подождала.

— Мам, вы двадцать четыре года вместе.

— Да.

— И ты просто решила все закончить?

В ее голосе было столько растерянности, что я почти физически почувствовала желание немедленно объяснить, успокоить, убедить.

Но дочь заслуживала правды, а не удобного ответа.

— Я не просто решила, Сонь. Я два дня не знаю, куда себя деть. Мне очень больно.

Она посмотрела на меня.

— Я понимаю.

— Нет, родная, ты не обязана понимать. Мне самой пока трудно во всем разобраться.

Соня сжала пальцы.

— Я просто не могу представить вас отдельно.

— Я тоже не представляла.

Она наклонилась вперед и закрыла лицо руками.

— Господи, мам...

Я пересела ближе.

— Иди ко мне.

Она обняла меня так крепко, что у меня заболело плечо.

И заплакала.

Сначала тихо. Потом начала всхлипывать, пытаясь что-то сказать.

Я гладила ее по волосам и ждала.

В детстве, когда Соня сильно плакала, я всегда пыталась отвлечь ее. Показывала игрушку, рассказывала смешную историю, предлагала пойти гулять.

Сейчас ничего из этого не подходило.

Ей двадцать три года.

Она имела право плакать из-за того, что ее родители разводятся.

— Я же ничего не замечала, — наконец сказала она.

— Я тоже.

— Вы всегда были вместе.

Я погладила ее по спине.

— Мы действительно были вместе много лет.

— Тогда получается, все было неправдой?

Я отстранилась, чтобы видеть ее лицо.

— Нет, Сонь.

Она вытерла глаза.

— А как тогда?

Я подумала о нашей старой фотографии у моря.

О том, как Виктор учил дочь ездить на велосипеде. Как мы втроем собирали елку, потому что в тот год он настоял на искусственной. Как смеялись, когда она неожиданно опрокинулась на диван.

— Хорошее тоже было настоящим, — сказала я. — Мы любили друг друга. Любили тебя. Я не собираюсь утверждать, что все эти годы были обманом.

— Но последние два года?

— Последние два года папа меня обманывал.

Соня снова заплакала.

— Я не понимаю, как он мог.

— Я тоже.

Мы сидели рядом довольно долго.

За окном постепенно темнело. В соседней квартире кто-то громко передвинул мебель.

Соня наконец взяла воду.

Сделала несколько глотков, потом посмотрела на меня.

— Он знает, что ты мне расскажешь?

— Да.

— И что сказал?

Я помолчала.

Это был самый неприятный вопрос.

Не потому, что я хотела защитить Виктора.

Мне не хотелось, чтобы дочь думала, будто отец совсем не любит ее.

— Он попросил подождать до свадьбы.

Соня медленно поставила стакан на стол.

— Что?

— Не рассказывать тебе сейчас. Сначала провести свадьбу, а потом заниматься разводом.

— То есть вы должны были четыре месяца делать вид, что все нормально?

— Да.

Она резко поднялась.

— Он с ума сошел?

Я ничего не ответила.

— Мам, он серьезно?

— Серьезно.

Соня прошлась по комнате.

— И как он это себе представлял? Вы бы сидели рядом на банкете? Танцевали? Поздравляли нас?

— Наверное.

Она остановилась возле окна.

— Я бы смотрела на вас и думала, что у меня замечательные родители.

В ее голосе появилась злость.

Я понимала эту злость.

Но мне было тяжело слышать, как она говорит об отце.

— Сонь, я не хочу, чтобы ты сейчас принимала какие-то решения насчет него.

— А какие я должна принимать?

— Никаких. Я просто рассказываю, что случилось.

— Он вообще понимает, что сделал?

Я вспомнила вчерашний разговор на кухне.

— Думаю, не до конца.

Она горько усмехнулась.

— Потрясающе.

Я посмотрела на пакет с пирожными.

— Хочешь чай?

Соня обернулась.

— Мам!

Я вздрогнула.

— Что?

— Ты можешь хотя бы сейчас не пытаться меня накормить?

Она сказала это резко.

Я медленно убрала руку от чайника.

— Могу.

Соня отвернулась.

Несколько секунд мы молчали.

Потом она подошла ко мне.

— Прости.

— Ничего.

— Нет, я правда. Ты мне такое рассказываешь, а я на тебя кричу.

— Ты расстроена.

— Ты тоже.

Она села рядом.

— Мам, а ты вообще как?

Я посмотрела на нее.

За два дня меня несколько раз спрашивали, ела ли я, спала ли, где буду жить. Марина заботилась обо мне, Виктор пытался накормить.

Но дочь сейчас спросила иначе.

Не о том, что нужно сделать.

О том, как я себя чувствую.

— Плохо, — призналась я. — Очень плохо.

Соня взяла меня за руку.

— Ты можешь ко мне приехать. У нас с Матвеем есть диван.

— Спасибо, родная. Я пока у Марины. Потом сниму квартиру.

— А дом?

— С домом будем разбираться отдельно.

— Он тебя выгнал?

— Нет. Я сама уехала.

Она посмотрела на меня с тревогой.

— Только не вздумай все ему оставить.

Я неожиданно улыбнулась.

— Не собираюсь.

— Серьезно, мам. Это же и твой дом.

— Я знаю.

Соня вытерла глаза салфеткой.

— Я просто боюсь, что ты сейчас скажешь: забирай все, лишь бы никогда тебя не видеть.

— Я пока настолько не щедрая.

Дочь коротко рассмеялась.

Потом смех оборвался.

— Господи. Мы смеемся.

— Бывает.

Она посмотрела на меня.

— Ты правда справишься?

Я хотела сказать, что, конечно, справлюсь. Что все будет хорошо. Что ей не нужно волноваться.

Но в последние два дня я слишком часто ловила себя на желании обещать людям то, чего не знала.

— Буду стараться, — ответила я.

Соня кивнула.

***

О свадьбе она заговорила почти через час.

К этому времени мы все-таки выпили чай. Пирожные так и остались нетронутыми.

Соня сидела, поджав под себя ноги, и машинально крутила на пальце небольшое серебряное кольцо, которое Матвей подарил ей на годовщину знакомства.

— Может, нам вообще отменить свадьбу? — спросила она.

Я подняла голову.

— Почему?

— Не знаю. Мне теперь все это кажется каким-то ужасным спектаклем.

— Сонь...

— Я представляю, как папа будет стоять рядом с тобой. Гости начнут говорить, какие вы замечательные родители. Потом кто-нибудь обязательно предложит вам танец.

Она сжала губы.

— Я этого не выдержу.

— Ты не обязана устраивать праздник в прежнем виде.

— Но мы столько готовились.

— Знаю.

— И деньги уже внесли.

— Мы разберемся с ними. Сейчас не обязательно решать.

Соня посмотрела на меня.

— Ты всегда говорила, что перед свадьбой нельзя сомневаться.

Я удивилась.

— Я такого не говорила.

— Говорила. Когда мы с Матвеем поссорились из-за списка гостей. Ты сказала, что если мы уже сейчас не можем договориться, надо подумать, готовы ли вообще жениться.

— Это немного другое.

— А вдруг нет?

Я поставила чашку на блюдце.

— Ты сомневаешься в Матвее?

Она задумалась.

— Нет. То есть... До сегодняшнего дня не сомневалась.

— Он сделал что-то, из-за чего ты перестала ему доверять?

— Нет. Просто я смотрю на вас с папой и думаю: вы ведь тоже когда-то были такими.

Я вспомнила собственную свадьбу.

Как Виктор нервничал перед регистрацией, хотя старался это скрыть. Как перепутал карманы и долго искал кольца. Как потом весь вечер держал меня за руку под столом.

Да, мы тоже когда-то были молодыми и уверенными, что все впереди.

— Были, — сказала я.

Соня смотрела на меня.

— И что мне теперь делать?

Мне захотелось дать ей ответ.

Сказать, что Матвей хороший человек, что я давно его знаю, что с ним она будет счастлива.

Но это было бы нечестно.

— Я не знаю, Сонь.

Она опустила глаза.

— Хорошая помощь от мамы.

— Прости.

— Я шучу.

Я взяла ее за руку.

— Ты знаешь Матвея лучше меня. У вас своя история. Не надо решать, каким будет ваш брак, только потому, что мой закончился плохо.

— Но я теперь буду постоянно думать, что он тоже может...

Она не договорила.

— Я понимаю.

— А если я чего-то не замечаю?

Я крепче сжала ее пальцы.

— Тогда вам придется учиться разговаривать об этом. Как и всем остальным.

Соня грустно улыбнулась.

— Звучит не очень обнадеживающе.

— Зато я не стану обещать тебе, что люди никогда не ошибаются.

Она задумалась.

— Матвей вчера сказал, что у тебя просто много работы. Когда я спросила, почему ты не поехала с нами смотреть кольца.

— Он не знал, что случилось.

— Да. Я ему сказала только, что вы с папой поссорились.

— И что он ответил?

— Предложил заехать к тебе. Я отказалась, потому что ты просила поговорить вдвоем.

Я кивнула.

Матвей нравился мне.

Спокойный, иногда немного упрямый, с привычкой сначала подробно разбираться в любой проблеме. Он работал инженером-проектировщиком и мог полчаса объяснять, почему на участке нельзя просто переставить стену.

Соня любила над ним подшучивать.

Сама она могла выбрать цвет кухни за десять минут. Матвей прежде хотел изучить материалы, стоимость и срок службы каждого покрытия.

Мне нравилось, как они спорили.

Без привычной необходимости определить, кто главный.

По крайней мере, именно так я видела их отношения.

— Ты ему расскажешь? — спросила я.

— Конечно.

Она посмотрела на телефон.

— Только не сегодня. Мне нужно немного прийти в себя.

— Хорошо.

— Мам, а папе я могу позвонить?

Вопрос застал меня врасплох.

Я не ожидала, что дочь станет спрашивать разрешения.

— Конечно, Сонь. Он твой отец.

— Ты не обидишься?

Я покачала головой.

— Нет.

— Даже если я потом захочу с ним увидеться?

У меня защипало глаза.

— Даже тогда.

Она обняла меня.

— Я не хочу выбирать между вами.

— И не нужно.

Соня прижалась щекой к моему плечу.

— Мне все равно кажется, что я вас обоих теряю.

Я поцеловала ее в волосы.

— Меня ты точно не потеряешь.

Она ничего не ответила.

И мы еще долго сидели рядом.

***

Соня уехала около девяти.

Перед уходом она снова обняла меня и попросила позвонить, если мне станет совсем плохо.

Я пообещала.

Когда дверь закрылась, я вернулась в гостиную и увидела на столе коробку с пирожными.

Одно Соня все-таки съела, хотя перед этим уверяла, что совершенно не хочет сладкого.

На бумажной салфетке остался отпечаток малинового крема.

Я взяла салфетку, собираясь выбросить, и вдруг снова заплакала.

Не так сильно, как утром.

Просто сидела на диване и вытирала слезы, которые никак не хотели заканчиваться.

Мне казалось, что я справилась с разговором.

Сказала правду, не заставила дочь утешать меня, не потребовала от нее ненавидеть отца.

Но теперь, когда все закончилось, я вспоминала ее лицо.

Как она сначала не поверила.

Как спросила, неужели все было неправдой.

Как пыталась понять, можно ли вообще доверять человеку, которого любишь.

Виктор украл у меня спокойствие.

Но сегодня я впервые увидела, что его поступок изменил и жизнь дочери.

Марина вернулась через полчаса.

Увидев меня на диване, она молча поставила сумку на пол и села рядом.

— Поговорили?

Я кивнула.

— Как она?

— Плохо.

Марина вздохнула.

— А ты?

Я показала на коробку.

— У меня есть пирожные.

— Это, конечно, ответ на все вопросы.

Она открыла коробку.

— Можно?

— Конечно.

Марина выбрала пирожное с шоколадом.

— Слушай, — сказала она после первого кусочка, — я давно считаю, что в этой кондитерской слишком мало крема.

Я посмотрела на нее.

— Ты шутишь?

— Нет. Я серьезно недовольна соотношением крема и теста.

Я не выдержала и рассмеялась.

Марина улыбнулась.

— Вот. Хотя бы что-то хорошее за сегодня.

Мы допили остывший чай.

Потом я ушла в свою комнату.

От Виктора было два пропущенных звонка.

Я не перезвонила.

В половине одиннадцатого он позвонил снова.

Я долго смотрела на экран.

Потом ответила.

— Да?

— Надя, ты поговорила с Соней?

— Да.

Он шумно выдохнул.

— Она мне звонила.

Я села на кровать.

— И?

— Ты можешь представить, в каком она состоянии?

— Могу. Я с ней сегодня весь вечер разговаривала.

— Она сказала, что не хочет меня видеть.

Я закрыла глаза.

— Ей нужно время.

— Она никогда так со мной не разговаривала.

— Виктор...

— Я пытался объяснить, но она даже слушать не захотела.

— А что ты ей объяснял?

Он помолчал.

— Что между нами все сложнее, чем она думает.

Мне захотелось бросить телефон.

— Ты сказал ей о своей измене?

— Конечно.

— Что именно?

— Надя, ты хочешь, чтобы я пересказал весь разговор?

— Я хочу понять, не начал ли ты объяснять дочери, что это произошло из-за наших семейных проблем.

Он резко выдохнул.

— Я сказал, что виноват.

— Хорошо.

— Но ты ведь понимаешь, что она сейчас совершенно разбита?

— Понимаю.

— Зачем было говорить ей сразу?

Я молчала.

Виктор продолжил:

— Она спросила, зачем я вообще приходил на ее помолвку, если собирался разводиться с тобой.

— Ты собирался со мной разводиться?

— Нет!

— Вот и я о том же.

Он замолчал.

Я потерла лоб.

— Виктор, я сказала ей правду. Что у тебя другая женщина и что я решила развестись. Никаких подробностей.

— Этого оказалось достаточно.

— А чего ты ожидал?

— Я ожидал, что мы с тобой сначала договоримся, как правильно ей все объяснить.

— Мы вчера говорили об этом. Я сказала, что не буду молчать.

— Я надеялся, что ты передумаешь.

Я встала и подошла к окну.

На улице горели фонари. Марина на кухне разговаривала по телефону.

— Виктор, ты сам должен выстраивать отношения с дочерью.

— Ты могла хотя бы подготовить ее.

— Я подготовила настолько, насколько смогла.

— Она назвала меня чужим человеком.

Я прижала ладонь к холодному стеклу.

Мне стало больно за него.

Виктор действительно любил Соню. Всю ее жизнь они были близки. Когда дочь впервые переехала жить отдельно, он долго ворчал, что у нее теперь собственная квартира, а значит, она перестанет нормально питаться.

Потом каждую субботу привозил ей фрукты и продукты.

Я знала, как много для него значило ее мнение.

Но сегодня не могла исправить то, что произошло.

— Она злится, — сказала я. — Дай ей время.

— Надя, ты должна понять, что сейчас все это ударит по свадьбе.

Вот оно.

Опять.

Я опустила руку.

— Да. Возможно.

— Матвей тоже окажется втянут.

— Соня сама решит, что ему рассказывать.

— У нас с тобой была возможность решить все спокойно.

Я почувствовала, как усталость сменяется раздражением.

— Виктор, послушай меня внимательно. Я не собираюсь больше обсуждать, правильно ли поступила, рассказав дочери о разводе. Если ты хочешь поговорить об имуществе или о документах, я готова. Но не надо звонить мне, чтобы объяснять, что я испортила ей жизнь.

Он долго молчал.

Потом спросил:

— Ты действительно хочешь, чтобы все двадцать четыре года закончились вот так?

Я села обратно на кровать.

— Я хотела, чтобы они вообще не заканчивались.

На другом конце стало тихо.

— Надя...

— Спокойной ночи, Виктор.

Я отключила звонок.

И сразу выключила звук на телефоне.

***

Во вторник утром я поехала на встречу с переводчицей.

Мы договорились увидеться в небольшом кафе возле издательства. Женщина выглядела уставшей и несколько раз извинилась за перенос.

— У сына температура была почти сорок. Сейчас уже лучше. Муж сегодня с ним дома, поэтому я смогла выбраться.

— Не переживайте, — ответила я. — У нас еще есть время.

Мы открыли ноутбуки и почти два часа обсуждали текст.

Я постепенно втянулась.

Переводчица спорила из-за одного выражения, я объясняла, почему оно звучит слишком официально для молодой героини. Потом мы вместе искали подходящий вариант и в конце концов нашли фразу, которая устраивала обеих.

Это было обычное рабочее утро.

Никто не спрашивал, где мой муж. Никому не было дела до Киры Арсеньевой.

Я была Надеждой Соколовой, редактором, у которого есть мнение о рукописи и обязательства перед издательством.

К концу встречи я даже почувствовала удовлетворение.

Два часа я занималась делом, в котором разбиралась.

И не думала каждую минуту о Викторе.

На улице шел небольшой дождь.

Я раскрыла зонт и направилась к машине.

Телефон завибрировал.

Соня.

— Привет, мам.

— Привет, родная. Как ты?

— Нормально. То есть не очень, но на работе хоть отвлеклась.

— Понимаю.

Она помолчала.

— Я вчера поговорила с папой.

— Знаю.

— Он тебе звонил?

— Да.

Соня вздохнула.

— Он все время повторял, что не хотел никому причинять боль. А потом сказал, что вы давно жили как соседи.

Я остановилась возле машины.

— Он мне тоже это говорил.

— Мам, вы правда так жили?

Я задумалась.

— Мы не были такими близкими, как раньше. Часто занимались каждый своими делами. Но я считала, что это обычная жизнь после многих лет брака.

— Вы же ездили вместе отдыхать.

— Ездили.

— И он говорил, что любит тебя.

— Говорил.

Соня долго молчала.

— Я теперь не понимаю, чему верить.

Я прислонилась к машине.

— Я тоже многого не понимаю.

— Папа говорит, что хочет все исправить.

— Знаю.

— А ты не хочешь.

— Нет.

— Мам, я не пытаюсь тебя уговорить. Просто мне очень трудно это принять.

— Я понимаю.

Она вздохнула.

— Матвею я вчера все рассказала.

— И как он отреагировал?

— Сначала даже не поверил. Потом спросил, точно ли я правильно поняла.

Я сжала телефон.

Соня продолжила:

— Я сказала, что ты сама их увидела. Он помолчал и предложил приехать ко мне.

— Приехал?

— Да. Мы посидели вместе. Я опять плакала.

— Он был рядом?

— Был.

Мне стало немного легче.

— Хорошо.

— Только он какой-то странный.

Я насторожилась.

— В каком смысле?

— Не знаю. Очень напряженный. Наверное, просто не понимает, что говорить.

— Такое бывает.

— Он обычно все пытается объяснить. А тут почти молчал.

Я посмотрела на дорогу.

— Может, ему тоже нужно время.

— Наверное.

Соня вздохнула.

— Мам, а что нам теперь делать со свадьбой?

— Ты уже решила, что хочешь ее отменить?

— Нет. Я вообще ничего не решила.

— Тогда не спеши.

— В четверг встреча в ресторане.

Я вспомнила письмо администратора.

— Помню.

— Мы можем ее перенести, если тебе тяжело.

Я задумалась.

Не хотелось идти туда, где нас привыкли видеть одной большой дружной семьей.

Но у молодых была конкретная задача: узнать условия изменения бронирования, количество гостей и возможные дополнительные расходы.

Отказываться от встречи без необходимости было бы неразумно.

— Давай съездим, — сказала я. — Посмотрим, что можно изменить, если понадобится.

— Ты уверена?

— Да.

— Папу я звать не хочу.

У меня сжалось сердце.

— Это твое решение, Сонь.

— А Андрей Михайлович будет.

— Отец Матвея?

— Да. Он обещал помочь с размещением родственников и транспортом. У них же вся семья собирается приехать.

Я вспомнила Андрея Ветрова.

Высокий мужчина с темными волосами, в которых уже было немного седины. Мы несколько раз виделись на семейных встречах после помолвки.

Он не был похож на человека, который любит шумные застолья, но с Соней разговаривал легко. На первом совместном ужине даже предложил ей обращаться к нему просто Андрей, объяснив, что от отчества чувствует себя директором школы.

Соня тогда засмеялась, а Матвей закатил глаза.

— Хорошо, — сказала я. — Пусть будет Андрей Михайлович.

— Мам, он ничего не знает про папу.

— Тогда и не обязательно сейчас ему рассказывать.

— Я сама решу, ладно?

— Конечно.

Соня помолчала.

— Я тебя люблю.

— И я тебя.

Когда разговор закончился, я еще некоторое время стояла возле машины.

Дочь переживала развод родителей, но все равно пыталась не доставлять мне неудобств.

Я вдруг узнала в ней себя.

***

В среду я съездила домой за оставшимися вещами.

Предварительно написала Виктору. Он ответил, что до вечера будет занят.

Мне не хотелось неожиданно встретить его в коридоре или снова оказаться за кухонным столом, где мы без конца обсуждали одно и то же.

Дом встретил тишиной.

На кухне было чисто. Виктор аккуратно вымыл посуду, убрал продукты и даже выбросил подвявшие цветы из вазы.

Я открыла холодильник.

Там стоял новый контейнер с готовым супом из магазина, несколько упаковок мяса и бутылка минеральной воды.

Ничего страшного не произошло.

Муж вполне мог жить без меня.

По крайней мере три дня.

Я поднялась наверх.

В спальне постель была заправлена неровно. Виктор никогда не умел красиво расправлять покрывало и обычно смеялся, что ему достаточно просто положить его поверх одеяла.

Я несколько секунд смотрела на складки.

Потом заставила себя отвернуться.

В шкафу висели мои платья.

Одно я купила к свадьбе Сони еще в марте. Темно-синее, с открытыми плечами, мягко облегающее фигуру. Дочь долго уговаривала меня взять именно его.

— Мам, перестань выбирать одежду так, будто собираешься на родительское собрание, — сказала она тогда.

Виктор, увидев покупку, одобрительно кивнул.

— Хорошее. Только возьми к нему что-нибудь на плечи. Вечером будет прохладно.

Я улыбнулась тогда.

Сейчас достала платье и долго держала перед собой.

Я покупала его, представляя, как буду танцевать с мужем на свадьбе дочери.

На секунду захотелось убрать его подальше.

Потом я аккуратно сложила платье в чехол и положила вместе с остальными вещами.

Оно мне нравилось.

И я не собиралась лишаться красивого платья из-за человека, который меня предал.

На туалетном столике лежала небольшая коробочка с серьгами. Я открыла ее, потом закрыла.

Сумка постепенно наполнялась.

Я взяла несколько книг, рабочие блокноты, любимую чашку и фотографии, которые хотела оставить себе.

Когда закончила, на часах было почти четыре.

Перед уходом я прошла по дому.

Не потому, что собиралась прощаться навсегда.

Просто хотелось запомнить его таким, каким он был.

Без Киры.

Без нашего последнего разговора.

Без ощущения, что в каждой комнате теперь скрывается какая-то часть чужой жизни.

В гостиной стояло большое кресло, которое мы выбирали вместе. Виктор сначала возражал против светлой обивки, потом именно в этом кресле начал читать по вечерам.

Возле дивана лежал плед, который Соня подарила мне на прошлый Новый год.

На полке стояли семейные фотографии.

Я взяла одну рамку.

На снимке мы втроем были возле моря. Соня еще училась в школе. Виктор обнимал нас обеих, а я прижималась щекой к его плечу.

Я долго смотрела на фотографию.

Потом поставила обратно.

Не все воспоминания нужно было немедленно делить и увозить.

Я закрыла дом и села в машину.

***

В четверг я приехала к ресторану раньше остальных.

Он находился на окраине города, возле небольшого озера. Невысокое двухэтажное здание с просторной верандой и большим садом выглядело особенно красиво весной.

Соня выбрала его еще зимой.

Ей понравились высокие окна и светлый зал. Матвей оценил удобную парковку и отдельное помещение для музыкантов.

Виктор тогда сказал, что место хорошее, главное, чтобы кормили нормально.

Я рассмеялась и пообещала лично проследить за меню.

Теперь я сидела в машине и не хотела выходить.

Вчера вечером Соня прислала список вопросов к администратору.

Сколько будет стоить изменение количества гостей? Можно ли перенести часть уже оплаченных услуг? До какой даты нужно утвердить меню? Как устроить рассадку, если родственники приезжают из разных городов?

Дочь пыталась решать практические вопросы.

Я понимала ее.

Когда жизнь становится непонятной, очень хочется хотя бы правильно расставить столы.

На парковку въехала темно-серая машина.

Из нее вышел Андрей Ветров.

Он был в темных брюках, светлой рубашке и расстегнутой куртке. Достал из багажника большую папку, проверил что-то в телефоне и направился к входу.

Потом заметил мою машину.

Остановился и подошел.

Я открыла дверцу.

— Добрый день, Надежда Андреевна.

— Здравствуйте.

Он посмотрел на часы.

— Вы тоже решили приехать заранее?

— Хотела сначала все осмотреть.

— Я тоже. В прошлый раз мы больше обсуждали, куда поставить музыкальное оборудование, чем куда посадить гостей.

Я улыбнулась.

— Матвей сказал, что вы привезли какие-то схемы.

Андрей поднял папку.

— Виноват. Профессиональная привычка. Когда мне обещают разместить восемьдесят человек в небольшом зале, я хочу увидеть, как именно они собираются это сделать.

— Вы же не будете перестраивать ресторан?

Он серьезно посмотрел на меня.

— Пока не планирую. Но если окажется, что столы не помещаются, предложу убрать одну стену.

Я неожиданно рассмеялась.

Андрей тоже улыбнулся.

— Вот и хорошо. Значит, договоримся без строительных работ.

Я вышла из машины.

На улице было прохладно. От озера тянуло влажным воздухом, в саду пахло свежей землей.

Мы пошли к входу вместе.

Андрей придержал дверь, пропуская меня вперед.

— Как у вас дела? — спросил он.

Обычный вопрос.

Я могла ответить так же обычно.

Сказать, что все нормально, много работы, немного устала.

Но после последних дней мне было особенно трудно произносить слово «нормально».

— Сложно, — ответила я.

Он коротко кивнул.

— Понимаю.

Я посмотрела на него.

— Соня что-то рассказала?

— Только сказала, что у вас дома сейчас непростой период. Больше я не спрашивал.

Мне стало легче.

— Спасибо.

— Не за что.

Мы вошли в ресторан.

Внутри было пусто. Официантка накрывала столы к обеду, из кухни доносился звон посуды.

Администратор должна была подойти через десять минут.

Мы остановились возле окна, из которого открывался вид на озеро.

— Красивое место, — сказала я.

— Да. Только вот эту лестницу стоит проверить.

Я повернула голову.

К веранде вели четыре деревянные ступеньки.

— А что с ней?

— Поручень низковат.

Я посмотрела внимательнее.

— У нас бабушка жениха приедет. Ей семьдесят восемь.

Андрей кивнул.

— Моя мама. Она очень самостоятельная. И очень плохо видит вечером, хотя никогда в этом не признается.

— Тогда надо попросить дополнительный свет возле ступенек.

— Уже записал.

Он показал мне список.

Почерк был крупный, немного неровный. Рядом с вопросами о столах и парковке стояло несколько пометок о безопасности.

Я улыбнулась.

— Вы действительно подготовились.

— Матвей попросил разобраться с практическими вопросами. Я решил не позориться перед сыном.

— Он у вас строгий?

— Ужасно. Недавно заявил, что я неправильно рассчитываю расход древесины на собственных объектах.

— И что вы ответили?

— Что он прав.

Я посмотрела на Андрея.

Он говорил совершенно спокойно.

— Вам не было обидно?

— Немного. Особенно потому, что сын оказался прав при двух моих сотрудниках.

Я рассмеялась.

— Наверное, долго припоминал?

— Матвей? До сих пор припоминает. Хорошо хоть не записал на видео.

Он улыбнулся.

Мне было приятно стоять рядом с ним.

Не потому, что я уже думала о нем как о мужчине, с которым может что-то получиться. Тогда мне это даже не приходило в голову.

Просто он разговаривал со мной легко.

Не пытался выяснить семейные обстоятельства. Не предлагал советов. Не требовал объяснений.

Мы обсуждали лестницу, древесину и взрослого сына, который иногда бывает невыносимо уверен в собственной правоте.

И несколько минут я чувствовала себя обычным человеком.

***

Соня и Матвей приехали почти одновременно.

Дочь сразу подошла ко мне и обняла.

— Привет, мам.

— Привет, родная.

Она выглядела лучше, чем в понедельник, хотя под глазами еще были следы усталости.

Матвей поздоровался со мной, потом с отцом.

Обычно он улыбался при встрече, рассказывал какую-нибудь мелочь с работы или сразу начинал обсуждать свадебные вопросы.

Сегодня лишь коротко спросил, давно ли мы приехали.

— Минут десять, — ответила я.

Он кивнул.

Соня взяла его под руку.

— Пойдемте. Нам сказали, что администратор уже освободилась.

Мы прошли в небольшой кабинет возле главного зала.

На столе лежали схемы рассадки, образцы тканей и несколько вариантов меню.

Администратор приветливо улыбнулась.

— Софья, Матвей, рада вас видеть. Надежда Андреевна, Андрей Михайлович, здравствуйте. Виктор Сергеевич сегодня не сможет?

Соня напряглась.

Я заметила, как Матвей опустил взгляд.

— Нет, — ответила дочь. — Сегодня мы без него.

— Хорошо. Тогда начнем.

Администратор разложила бумаги.

Сначала обсуждали расположение столов. Андрей быстро разобрался в схеме, задал несколько вопросов о проходах и предложил оставить больше места возле выхода на веранду.

Потом перешли к меню.

Соня достала свой список.

— У нас еще вопрос по количеству гостей.

— Да, конечно.

Дочь посмотрела на меня.

Я молча кивнула.

— Возможно, мы захотим сделать праздник меньше, — сказала она. — Пока не знаем точно. Какие условия изменения?

Администратор объяснила, что окончательное количество гостей можно согласовать позже, но некоторые уже оплаченные услуги не получится полностью отменить без потерь. Она показала соответствующие пункты договора.

Соня внимательно слушала.

Матвей записывал цифры.

Я наблюдала за ними и думала, что еще неделю назад они обсуждали бы только украшение зала.

Теперь дочь пыталась понять, сможет ли вообще провести здесь свадьбу.

— Мы пока ничего не отменяем, — сказала Соня. — Просто хотим знать варианты.

— Разумеется.

Администратор перешла к размещению гостей.

Андрей разложил схему.

— Вот здесь, если правильно понимаю, будет отдельный стол для родителей?

— Да, мы так планировали, — ответила Соня.

Она замолчала.

Я сразу поняла почему.

В первоначальном плане нас с Виктором собирались посадить рядом.

Соня хотела видеть родителей за одним столом, как всегда.

Теперь этот вариант казался ей невозможным.

— Мы можем пересмотреть рассадку позже, — сказала я.

Дочь посмотрела на меня с благодарностью.

Матвей отложил ручку.

— А если вообще не делать отдельный родительский стол? — предложил он. — Посадить всех вместе с близкими родственниками.

Соня задумалась.

— Может быть.

Андрей посмотрел на схему.

— Тогда лучше сразу продумать, кто из старших гостей с кем знаком. Моя мама, например, обожает знакомиться с новыми людьми, но потом обязательно жалуется, что весь вечер пришлось разговаривать.

Соня улыбнулась.

— Да, я помню.

— В прошлый раз она познакомилась с вашей тетей Ириной и потом полчаса рассказывала мне, какая замечательная женщина, хотя так и не запомнила ее имя.

Я рассмеялась.

Соня тоже.

Даже Матвей слегка улыбнулся.

Андрей продолжил обсуждать рассадку, словно ничего особенного не произошло.

И я была ему за это благодарна.

Встреча заняла почти полтора часа.

К концу мы уточнили сроки, записали вопросы и договорились вернуться к окончательному количеству гостей после решения молодых.

Администратор проводила нас к выходу.

На улице дождь уже закончился. Над озером висел легкий туман.

Соня остановилась возле машины.

— Мам, ты не очень устала?

— Нет.

Она вздохнула.

— Я все время думаю, что сегодня могла бы просто радоваться подготовке.

— Ты еще сможешь ей радоваться.

— Не знаю.

Я взяла ее за руку.

— Сонь, ты имеешь право отложить решение. Никто не заставляет тебя сегодня выбирать между свадьбой и ее отменой.

Она кивнула.

Матвей стоял рядом, держа папку с документами.

Он смотрел на Соню с беспокойством.

— Мы дома еще поговорим, — сказал он.

Она подняла на него глаза.

— Хорошо.

Мне показалось, что он хочет добавить что-то еще.

Но Андрей позвал его из машины, спросив, куда положить схему.

Матвей отвлекся.

Я не придала этому большого значения.

У всех сейчас было достаточно причин нервничать.

***

Когда мы попрощались с молодыми, я направилась к своей машине.

Андрей догнал меня возле парковки.

— Надежда Андреевна, можно на минуту?

Я остановилась.

— Конечно.

Он держал свою папку под мышкой.

— Я хотел сказать, что если понадобится помощь с организацией, можете обращаться. Не обязательно все делать самой.

Я улыбнулась.

— Спасибо. Но у вас ведь тоже полно работы.

— Есть немного.

— Немного?

Он посмотрел на папку и усмехнулся.

— Ладно. Много. Но свадьба сына тоже событие не каждодневное.

Я кивнула.

Он помолчал.

— И еще. Я не знаю, что у вас произошло. Матвей только сказал, что сейчас сложная ситуация в семье.

Я напряглась.

Андрей заметил это.

— Не собираюсь расспрашивать. Просто хотел, чтобы вы знали: если со свадьбой что-то изменится, я отнесусь спокойно.

Мне стало неожиданно тепло.

— Спасибо.

— Молодые должны сами решить, каким будет их праздник.

— Я тоже так считаю.

Он кивнул.

Потом посмотрел на машину.

— Вы уже уезжаете?

— Да. Мне еще надо поработать.

— Тогда не задерживаю.

Он сделал шаг назад.

— До встречи.

— До встречи, Андрей Михайлович.

Он улыбнулся.

— Можно просто Андрей. Мне уже пятьдесят, но я все еще не привык к отчеству вне рабочих совещаний.

— Хорошо. Тогда и вы называйте меня Надей.

— Договорились.

Я села в машину.

Андрей пошел к своей.

Когда я выезжала с парковки, увидела, как он разговаривает с сыном возле багажника. Матвей что-то быстро говорил, Андрей слушал, слегка нахмурившись.

Я отвернулась к дороге.

И только через несколько минут поймала себя на том, что улыбаюсь.

Вспомнила его шутку про стену, которую придется убрать, если не поместятся свадебные столы.

Это было совершенно обычное замечание.

Но после последних дней мне особенно понравилось, что кто-то сумел заставить меня засмеяться, ничего от меня не требуя.

Улыбка исчезла так же быстро, как появилась.

Я вспомнила Виктора.

Он сидел дома один, пытался поговорить с дочерью, наверное, не понимал, почему я не возвращаюсь.

А я смеялась с другим мужчиной возле свадебного ресторана.

Меня охватило чувство вины.

Я даже разозлилась на себя.

Я ничего плохого не сделала.

Мы с Андреем обсуждали подготовку к свадьбе наших детей. Он просто оказался приятным человеком.

Но за двадцать четыре года брака я привыкла считать, что любые отношения с мужчинами нужно оценивать с точки зрения того, как к ним отнесется Виктор.

Муж никогда прямо не запрещал мне общаться.

Он просто мог недовольно спросить, зачем я так долго разговаривала с кем-то на мероприятии. Или заметить, что тот человек слишком внимательно на меня смотрел.

Обычно я отмахивалась, называла его ревнивцем и больше не возвращалась к этому разговору.

Теперь же я сама пыталась угадать его реакцию.

Я остановилась на светофоре и крепче сжала руль.

Мне не нравилось, что даже после отъезда из дома я продолжала думать, что Виктор скажет о каждом моем поступке.

Я еще не знала, как от этого избавиться.

***

Вечером я вернулась к Марине и открыла ноутбук.

Работа немного отвлекала.

Я успела проверить несколько глав, написать переводчице замечания и даже составить план на следующую неделю.

Около девяти пришло сообщение от Виктора.

«Соня не отвечает. Ты с ней сегодня виделась?»

Я ответила:

«Да. Мы вместе ездили в ресторан по поводу свадьбы».

Через минуту он позвонил.

— Надя, почему меня не пригласили?

Я отложила ручку.

— Соня решила сегодня встретиться без тебя.

— Но я тоже участвую в подготовке.

— Знаю.

— И я оплачиваю часть расходов.

— Виктор, мы сегодня только уточняли условия. Ничего окончательно не меняли.

Он помолчал.

— Она собирается отменять свадьбу?

— Не знаю. Они с Матвеем пока думают.

— Вот видишь.

Я закрыла глаза.

— Что я должна увидеть?

— Насколько все стало сложнее после твоего разговора с ней.

— Все стало сложнее после твоей измены.

Он шумно выдохнул.

— Мы опять возвращаемся к одному и тому же.

— Потому что ты продолжаешь делать вид, будто проблема началась в понедельник.

На другом конце долго молчали.

Потом Виктор спросил:

— Ты сегодня видела Ветрова?

Я нахмурилась.

— Андрея Михайловича?

— Да.

— Конечно. Он был на встрече.

— И как он себя вел?

— Нормально. Помог с вопросами по залу.

— Он знает про нас?

— Насколько мне известно, нет.

Виктор помолчал.

— Хорошо.

Мне не понравилось это слово.

— Почему хорошо?

— Не хочу, чтобы наши семейные проблемы обсуждали посторонние.

Я посмотрела на экран ноутбука.

— Андрей — отец жениха нашей дочери.

— И что?

— Он все равно рано или поздно узнает о разводе.

— Об этом не обязательно рассказывать всем прямо сейчас.

Я медленно выдохнула.

— Виктор, давай договоримся. Я не собираюсь обсуждать с людьми подробности твоей связи. Но и скрывать, что мы разводимся, не буду.

— Надя...

— Это моя жизнь тоже.

Он замолчал.

Я ждала.

Потом Виктор тихо сказал:

— Я скучаю по тебе.

Эти слова ударили неожиданно сильно.

Я представила наш дом.

Кухню, в которой мы столько лет завтракали. Его рабочий кабинет. Спальню, где до сих пор лежали мои вещи.

Мне захотелось спросить, ел ли он сегодня. Напомнить, что суп в холодильнике долго хранить нельзя. Узнать, не заболела ли у него спина после вчерашней поездки.

Привычные вопросы сами появлялись в голове.

Я сжала пальцы.

— Мне сейчас трудно с тобой разговаривать, — сказала я.

— Я понимаю.

На этот раз он не стал спорить.

— Спокойной ночи, Надя.

— Спокойной ночи.

Когда звонок закончился, я еще долго сидела перед открытой рукописью.

Мне не хватало мужа.

Не того человека, который два года обманывал меня, а Виктора, с которым я прожила почти всю взрослую жизнь.

Иногда мне казалось, что это два разных человека.

Но разумом я понимала: нет.

Это один и тот же мужчина.

И мне придется научиться жить с этим знанием.

***

В десятом часу позвонила Соня.

Я ответила сразу.

— Привет, родная.

— Мам, ты не спишь?

— Нет. Работаю.

Она помолчала.

— Можно я кое-что спрошу?

— Конечно.

— Ты сегодня хорошо поговорила с Андреем Михайловичем?

Я удивилась.

— Да. А что?

— Просто он потом сказал Матвею, что ты очень разумно смотришь на организацию свадьбы.

Я невольно улыбнулась.

— Правда?

— Да. Сказал, что ты первая за весь день спросила, как пожилые гости будут спускаться с веранды вечером.

— Мы вместе это обсуждали.

— Я знаю.

Она немного помолчала.

— Мам, я рада, что ты сегодня приехала.

Мне стало тепло.

— И я.

— Я думала, ты откажешься.

— Хотела сначала. Потом решила, что тебе нужна помощь.

— Мне нужна, — призналась дочь. — Только я не хочу, чтобы ты делала все через силу.

Я посмотрела на раскрытый ноутбук.

— Сегодня я не делала через силу. Правда.

— Хорошо.

Она замолчала.

Я услышала, как вдалеке закрылась дверь.

— Ты дома? — спросила я.

— Да. Матвей вышел в магазин.

Голос дочери изменился.

Я насторожилась.

— Что-то случилось?

— Не знаю.

— Сонь?

Она глубоко вдохнула.

— Мы после ресторана немного поссорились.

— Из-за свадьбы?

— Нет. То есть сначала из-за нее, а потом...

Она замолчала.

Я подождала.

— Мам, Матвей сегодня весь день какой-то странный.

Я вспомнила его напряженное лицо в кабинете администратора.

— Я заметила, что он устал.

— Он не устал. Я его знаю.

В голосе Сони слышалась тревога.

— Что он говорит?

— Сначала говорил, что все нормально. Потом спросил, уверена ли я, что хочу продолжать подготовку.

— А ты?

— Сказала, что пока не решила, но не хочу отменять свадьбу только из-за папы.

— И что Матвей ответил?

— Ничего. Сказал, что поговорим дома.

Я нахмурилась.

— Может, он переживает за тебя.

— Наверное. Только он весь вечер смотрел на меня так, будто хотел что-то сказать.

Соня помолчала.

— А потом я спросила прямо.

— И?

— Он сказал, что ему нужно кое в чем признаться.

У меня неприятно сжался живот.

— В чем?

— Не сказал. Попросил дождаться, пока вернется из магазина. Сказал, что хочет поговорить спокойно.

Я посмотрела на часы.

— Соня, может, это касается ваших расходов или чего-нибудь по работе?

— Не знаю.

Она глубоко вдохнула.

— Мам, мне почему-то страшно.

Я села ровнее.

— Сонечка, ты сейчас очень расстроена из-за нас с папой. Может быть, поэтому тебе кажется, что обязательно должно случиться что-то еще.

— Я тоже так подумала.

За дверью ее квартиры, судя по звукам, кто-то повернул ключ.

— Он вернулся, — тихо сказала дочь.

— Тогда поговорите.

— Хорошо.

— И не придумывай заранее самое плохое.

Соня не ответила сразу.

Потом произнесла:

— Мам, он перед уходом спросил меня, что именно папа рассказал тебе о Кире.

Я замерла.

— Что?

— Спросил, сколько времени они встречались и как ты об этом узнала.

— А ты что сказала?

— Все, что знала. Что ты сама увидела их дома, а папа признался про два года.

Я смотрела в темное окно.

— И как он отреагировал?

Соня помолчала.

— Очень странно. Сначала спросил, говорил ли папа что-нибудь еще. Потом сказал, что нам надо серьезно поговорить.

Я почувствовала холод.

Не понимала, что именно означает этот разговор, но впервые за весь вечер мне тоже стало страшно.

— Соня, — осторожно спросила я, — почему ты думаешь, что это связано с папой?

Она ответила не сразу.

За дверью послышался голос Матвея. Он что-то спросил у нее, но я не разобрала слов.

Соня прикрыла рукой телефон.

Потом тихо сказала:

— Потому что Матвей сам сказал, что должен кое-что рассказать мне о папе.

Я выпрямилась.

— Что именно?

— Пока не знаю, мам.

Она тяжело вздохнула.

— Я сейчас поговорю с ним и потом тебе позвоню.

— Хорошо, родная.

— Мам...

— Да?

— Мне кажется, он что-то знал раньше.

Я хотела спросить, почему она так решила.

Но услышала, как Матвей снова позвал ее.

— Иди поговори с ним, Сонь, — сказала я. — Потом позвони.

Мы попрощались.

Я положила телефон на стол.

Несколько минут сидела неподвижно, глядя на пустую чашку.

Я уже знала, что Виктор два года обманывал меня.

Знала, что Кира приходила в наш дом и спокойно разговаривала с моей дочерью на семейных мероприятиях.

Но теперь впервые подумала о том, сколько еще людей могли знать правду раньше меня.

И почему никто из них ничего не сказал.

Глава 3. Он тоже знал

Соня перезвонила без четверти двенадцать.

К этому времени я успела трижды проверить телефон, выпить стакан воды и окончательно испортить страницу рукописи, которую безуспешно пыталась редактировать.

Марина уже легла спать. В квартире было тихо, только холодильник время от времени начинал негромко гудеть.

Когда на экране появилось имя дочери, я ответила сразу.

— Сонечка?

Она молчала.

Я услышала, как она втянула воздух, будто перед тем, как заплакать.

— Мам, ты сидишь?

У меня похолодели руки.

— Сижу. Что случилось?

— Матвей знал.

Я закрыла глаза.

Несколько секунд мне казалось, что я неправильно расслышала.

— Что знал?

— Про папу. Про эту женщину.

Я оперлась локтем о стол.

— Откуда?

— Видел их вместе.

— Когда?

— Пятого марта.

Я посмотрела на календарь, висевший возле двери.

Пятое марта.

За шесть недель до того, как я вернулась домой и обнаружила мужа с Кирой.

— Где он их видел?

— В ресторане. Он встречался там с заказчиком, а папа пришел с ней. Матвей сначала подумал, что это деловая встреча. Потом увидел, как они целовались возле машины.

Я молчала.

Соня всхлипнула.

— Он сразу подошел к папе. Спросил, что происходит.

— И что Виктор ответил?

— Что вы с ним давно фактически расстались. Просто живете в одном доме, потому что так удобнее. И что ты все знаешь.

Я медленно положила свободную руку на колени.

Мне вдруг захотелось встать, пройтись по комнате, открыть окно.

Но я продолжала сидеть.

— Он сказал, что я знаю про Киру?

— Да.

Я посмотрела на собственное отражение в темном стекле.

Виктор не просто скрывал любовницу.

Он рассказывал посторонним людям, что у нас больше нет настоящего брака. Что я согласилась жить с ним под одной крышей, пока он встречается с другой женщиной.

И при этом каждый вечер возвращался домой, целовал меня перед сном, спрашивал о моих делах.

— Мам?

— Я слушаю.

— Он еще сказал Матвею, что ты сама попросила ничего мне не рассказывать до свадьбы.

Я сжала край скатерти.

Вот как.

Оказывается, просьба, которую я впервые услышала в субботу, существовала гораздо раньше.

Только от моего имени ее уже произносил муж.

— Соня, я никогда об этом не просила.

— Я знаю.

Дочь заплакала.

— Я знаю, мам. Я ему так и сказала.

Я поднесла телефон ближе.

— Родная, где ты сейчас?

— Дома. В спальне.

— А Матвей?

— На кухне.

— Он сам тебе все рассказал?

— Да.

Я выдохнула.

— Хорошо, что рассказал.

Соня горько рассмеялась.

— Хорошо? Мам, он молчал почти два месяца!

— Я не говорю, что он правильно поступил.

— Он видел папу с любовницей. Знал, что вы женаты. Приходил к нам в гости, сидел с вами за одним столом. А мне ничего не сказал.

Она говорила все быстрее.

— Мы выбирали приглашения. Обсуждали ресторан. Папа приезжал к нам в воскресенье, привез какие-то продукты. Матвей весь вечер с ним разговаривал. И все это время он знал!

Я вспомнила тот воскресный ужин.

Это было в конце марта.

Мы с Виктором приехали к молодым после обеда. Соня приготовила пасту, Матвей испек хлеб по рецепту из интернета и очень гордился результатом.

Виктор шутил, что теперь можно отдавать дочь замуж: жених хотя бы не умрет с голоду.

Я смеялась.

Матвей тоже улыбался.

Теперь я пыталась вспомнить, смотрел ли он тогда на меня.

Может быть, отводил глаза.

Может быть, я просто не заметила.

— Мам, ты слышишь?

— Да, Сонечка.

— Как он мог?

Я не знала, что сказать.

За последние дни мне слишком часто задавали этот вопрос.

Как мог Виктор?

Как могла Кира?

Теперь вот Матвей.

Я могла придумать объяснение каждому.

Виктор не хотел терять удобную жизнь. Кира предпочитала верить в скорый развод. Матвей испугался разрушить отношения с будущим тестем и причинить боль невесте.

Но объяснение не делало поступок правильным.

— Что Матвей говорит сейчас? — спросила я.

— Что поверил папе.

— А почему не спросил тебя?

— Он сказал, что это была не его тайна.

Соня снова всхлипнула.

— Представляешь? Не его тайна! А чья тогда? Папина? Твоя? Получается, все могли решать, что мне знать о собственной семье?

Я провела ладонью по лицу.

— Ты права злиться.

— Я не просто злюсь, мам. Я не понимаю, как теперь смотреть на него.

— Не заставляй себя сейчас ничего решать.

— Я сказала, что не хочу спать с ним в одной комнате.

Мне стало больно за дочь.

— И что он?

— Ушел на кухню. Сказал, что переночует на диване.

Я посмотрела на часы.

Без десяти двенадцать.

— Сонечка, если тебе тяжело оставаться дома, можешь приехать ко мне. Или к подруге. Но если хочешь побыть одна, это тоже нормально.

— Я завтра уеду к Лене.

— Он знает?

— Да. Я сказала.

Мы помолчали.

Потом Соня тихо спросила:

— Мам, а вдруг он тоже когда-нибудь мне изменит?

Я закрыла глаза.

Ей двадцать три года.

Через четыре месяца она собиралась выйти замуж.

Еще неделю назад дочь выбирала свадебный букет и спрашивала, не слишком ли много гостей мы пригласили.

Теперь она боялась, что мужчина, которого любит, однажды поступит с ней так же, как ее отец поступил со мной.

— Я не могу знать, Сонь.

Она тихо заплакала.

— Я понимаю.

— Но сейчас речь не о том, что Матвей может сделать когда-нибудь. Он уже совершил поступок, который тебя ранил. С этим вам и нужно разобраться.

— А если я не смогу ему доверять?

— Тогда не торопись со свадьбой.

Соня замолчала.

— Ты правда так думаешь?

— Да.

— Но мы столько денег потратили.

Я посмотрела на чашку с остывшим чаем.

— Деньги жалко. Но выходить замуж только потому, что ресторан уже оплачен, не стоит.

Она несколько секунд молчала.

— Мам, ты сейчас говоришь совсем не так, как раньше.

Я невольно улыбнулась.

— А как я говорила раньше?

— Что всегда можно договориться. Что надо попробовать понять другого человека.

Я задумалась.

Дочь была права.

Я действительно часто это говорила.

Особенно когда речь шла о Викторе.

— Договориться можно, — ответила я. — Но сначала нужно понять, о чем именно вы договариваетесь.

Соня вздохнула.

— Я хочу спать. У меня голова уже болит от разговоров.

— Тогда ложись.

— Мам?

— Да?

— Ты не будешь теперь ненавидеть Матвея?

Вопрос застал меня врасплох.

Я вспомнила высокого серьезного парня, который три года назад впервые пришел к нам знакомиться. Он так нервничал, что пролил чай на скатерть, а потом полчаса извинялся.

Мне нравился Матвей.

Я видела, как он заботится о Соне, как встречает ее после работы, как терпеливо выслушивает ее бесконечные идеи по переделке квартиры.

Но теперь знала, что он мог молчать, когда правда была неудобной.

— Не знаю, что буду к нему чувствовать, — сказала я. — Сейчас мне тоже больно и неприятно. Но это ваши отношения. Я не собираюсь принимать за тебя решение.

— Хорошо.

Она снова всхлипнула.

— Я люблю тебя, мам.

— И я тебя, родная.

Мы попрощались.

Я положила телефон на стол.

За окном шел мелкий дождь. Капли стекали по стеклу, оставляя длинные неровные дорожки.

Я сидела и думала о пятом марта.

В тот день Виктор утром попросил меня заказать ему новую рубашку.

Сказал, что вечером встречается с людьми по поводу какого-то проекта. Я уточнила, нужно ли гладить старую белую, или он наденет голубую.

Он выбрал голубую.

Я даже помнила, как поправила ему воротник перед выходом.

Возможно, именно в этой рубашке Матвей увидел его с Кирой.

Я прикрыла рот ладонью.

Меня затошнило.

Не от самой мысли о поцелуе.

От того, как спокойно Виктор вернулся в тот вечер домой.

***

Утром в пятницу Соня написала, что уехала к подруге.

Матвей помог ей погрузить сумку в машину. Не спорил, не просил остаться, не пытался проводить.

Она сообщила, что отключит звук на телефоне до вечера.

Я ответила, что буду рядом, если понадоблюсь.

Потом открыла переписку с Виктором.

Последнее его сообщение было вчерашним.

«Я не хочу, чтобы наши семейные проблемы обсуждали посторонние».

Я долго смотрела на эти слова.

Потом позвонила.

Он ответил почти сразу.

— Надя?

— Ты говорил Матвею, что я знаю про Киру?

Муж замолчал.

Я услышала негромкий шум двигателя. Наверное, он сидел в машине.

— Откуда ты узнала?

— Ответь на вопрос.

— Я с ним разговаривал, да.

— Ты сказал ему, что я знаю о твоей любовнице?

Виктор тяжело вздохнул.

— Надя, там была совершенно другая ситуация.

— Какая?

— Матвей увидел нас с Кирой. Подошел, начал задавать вопросы. Я объяснил, что наши с тобой отношения давно изменились.

— Ты сказал, что я знаю?

— Я сказал, что мы взрослые люди и сами разбираемся со своей жизнью.

— Виктор.

Он помолчал.

— Да. Сказал.

Я закрыла глаза.

— И что я сама попросила ничего не говорить Соне?

— Не совсем так.

— А как?

— Я объяснил, что мы не хотим расстраивать дочь перед свадьбой.

— Мы?

— Надя, ну не надо цепляться к каждому слову.

Я встала и подошла к окну.

Во дворе Мариниого дома женщина выгуливала маленькую собаку. Та упрямо отказывалась идти по мокрой дорожке.

Я смотрела на нее, пытаясь удержать голос спокойным.

— Ты сказал будущему мужу нашей дочери, что у нас с тобой больше нет настоящего брака?

— Я сказал, что у нас сложный период.

— Мы с тобой даже не обсуждали развод.

— Потому что я не хотел разводиться!

— Тогда какого черта ты рассказывал Матвею, что мы фактически расстались?

Виктор замолчал.

Я редко ругалась.

Он всегда говорил, что мне это не идет.

Сейчас мне было совершенно безразлично, что он думает о моих выражениях.

— Ты понимаешь, что сделал? — спросила я.

— Пытался избежать скандала.

— Ты втянул в свою ложь жениха нашей дочери.

— Я его ни о чем не просил.

— Ты сказал ему не рассказывать Соне.

— Я попросил не вмешиваться в отношения взрослых людей.

Я рассмеялась.

Невесело, коротко.

— Виктор, ему двадцать пять лет. Он собирается жениться на нашей дочери. А ты объяснял ему, что он не должен вмешиваться в отношения взрослых?

— Не передергивай.

— Ты использовал меня. Сказал, что я согласилась на все, о чем даже не знала.

Он раздраженно выдохнул.

— Что ты хочешь сейчас услышать?

— Правду.

— Я испугался, что он расскажет Соне. Вот и все.

Наконец-то.

Простой ответ.

Я прислонилась лбом к прохладному стеклу.

— Ты испугался за себя.

— Конечно, я испугался! Представь, что было бы, если бы дочь узнала об этом за несколько месяцев до свадьбы.

— Она теперь узнала не только про твою измену. Но и про то, что ее жених молчал.

— Я не мог предвидеть, что Матвей в последний момент решит все рассказать.

— Он рассказал после того, как мы с тобой уже начали разводиться.

— Мы еще ничего не начали!

— Начнем.

Виктор замолчал.

Потом сказал значительно тише:

— Надя, давай встретимся. Не по телефону. Поговорим нормально.

— Нам действительно нужно поговорить о разводе.

— Я не об этом.

— А я об этом.

Он тяжело вздохнул.

— Соня мне сегодня не отвечает.

— Она уехала к подруге. Ей нужно время.

— К какой подруге?

— Виктор, спроси у нее, когда она будет готова разговаривать.

— Ты теперь даже не скажешь, где моя дочь?

— Соня взрослая. Она в безопасности. Этого достаточно.

Он молчал несколько секунд.

— Ты сейчас специально делаешь так, чтобы я потерял ее доверие.

Я медленно выпрямилась.

— Нет, Виктор. Я как раз больше не собираюсь ничего делать вместо тебя.

И отключила звонок.

Руки дрожали.

Я положила телефон на подоконник и несколько минут просто стояла.

Мне хотелось плакать.

Но слез не было.

Вместо них появилось странное чувство усталого отвращения.

Виктор не переставал удивлять меня тем, насколько привык решать за других, а ответственность за собственные поступки перекладывать на них.

***

Около полудня Матвей написал мне сообщение.

«Надежда Андреевна, здравствуйте. Можно с вами поговорить? Я понимаю, что поступил неправильно. Не хочу, чтобы вы узнавали все только со слов Сони».

Я прочитала его несколько раз.

Первым желанием было написать, что мне нечего с ним обсуждать.

Но потом я подумала о дочери.

Она любила этого человека. Собиралась прожить с ним жизнь.

Я не собиралась ни оправдывать его, ни устраивать допрос.

Однако мне хотелось понять, что именно произошло пятого марта.

Я ответила:

«Можем встретиться завтра. Сегодня мне нужно поработать».

Матвей почти сразу прислал:

«Спасибо. Я подъеду куда скажете».

Мы договорились увидеться в субботу в два часа в небольшом кафе возле Марины.

После этого я убрала телефон.

Весь день занималась работой.

Иногда мысли уплывали, и приходилось перечитывать уже исправленные страницы. Но постепенно я начала справляться.

Под вечер позвонила переводчице, обсудила оставшиеся вопросы и отправила очередную часть рукописи.

Когда закрыла ноутбук, обнаружила, что за окном уже темно.

Марина вернулась с работы и готовила ужин.

Я вышла на кухню.

— Ты сегодня почти не выходила, — заметила она.

— Нужно было закончить часть работы.

— Получилось?

— Да.

Она кивнула и поставила передо мной тарелку.

— Тогда ешь. Я приготовила курицу.

Я села.

Несколько минут мы молчали.

Потом я рассказала ей о Матвее.

Марина перестала нарезать салат.

— Подожди. Жених Сони знал?

— С пятого марта.

— И ничего не сказал?

— Нет.

Она медленно положила нож.

— Вот это семейство.

Я невольно улыбнулась.

— Матвей вообще-то из другого семейства.

— Пока еще да.

Марина села напротив.

— А почему он промолчал?

— Виктор сказал, что я все знаю.

Она подняла брови.

— И парень поверил?

— Да.

— Надя, извини, но это очень удобная вера.

— Я тоже так думаю.

Марина вздохнула.

— Соня как?

— Уехала к подруге. Хочет побыть отдельно от Матвея.

— Правильно.

Я посмотрела на нее.

— Я не хочу, чтобы она сейчас принимала окончательное решение.

— А я и не говорю про окончательное. Просто пусть поживет отдельно, подумает.

Марина помешала салат.

— Знаешь, что меня больше всего удивляет?

— Что?

— Виктор столько лет был уверен, что ты все уладишь. А теперь пытается заставить тебя уладить еще и отношения дочери с женихом.

Я опустила глаза.

— Он пока прямо об этом не просил.

— Попросит.

Я не ответила.

Потому что подозревала, что она права.

***

В субботу Матвей пришел на встречу раньше меня.

Я увидела его через окно кафе.

Он сидел за маленьким столиком у стены, перед ним стояла почти полная чашка кофе.

На нем была темная рубашка, которую Соня подарила к Новому году. Он постоянно ее носил, потому что дочь уверяла, что этот цвет ему особенно идет.

Когда я вошла, Матвей поднялся.

— Здравствуйте, Надежда Андреевна.

— Здравствуй.

Он дождался, пока я сяду, и только потом опустился обратно на стул.

Официантка принесла меню.

Я заказала чай.

Матвей несколько раз пытался начать разговор, но каждый раз останавливался. Официантка принесла мой чай.

Я дождалась, пока она уйдет, и сказала:

— Расскажи, что произошло пятого марта.

Он кивнул.

— Я встречался с заказчиком в ресторане «Север». Мы обсуждали проект небольшого складского комплекса. Когда вышел на парковку, увидел Виктора Сергеевича.

— С Кирой.

— Да. Я не сразу понял, кто она. Видел ее раньше на мероприятиях, но имени не помнил.

Матвей потер ладонью колено.

— Сначала они стояли возле машины и разговаривали. Потом он ее обнял. Они поцеловались.

Он опустил глаза.

— Я подумал, что ошибся. Потом понял, что нет.

Я слушала.

— И ты подошел?

— Да. Виктор Сергеевич как раз собирался садиться в машину. Я поздоровался. Он сначала удивился, потом предложил отойти поговорить.

— Кира была рядом?

— Она уже села в свою машину и уехала. Мы разговаривали вдвоем.

Матвей сделал паузу.

— Я спросил, знает ли Софья.

Он впервые за весь разговор назвал дочь полным именем. Обычно говорил просто Соня.

— А он?

— Сказал, что это не касается Сони. Что вы с ним давно фактически расстались, просто продолжаете жить вместе.

Я крепче сжала чашку.

— Ты не удивился?

— Удивился.

— Мы ведь совсем недавно все вместе ужинали.

— Да.

— И вели себя как обычная супружеская пара.

Он опустил голову.

— Я знаю.

Я подождала.

— Почему ты поверил?

Матвей посмотрел на меня.

— Он сказал, что вы сами договорились не рассказывать дочери до свадьбы. Что вам обоим тяжело, но вы не хотите портить ей праздник.

— И ты решил, что это похоже на правду?

— Нет.

Ответ меня удивил.

Матвей потер переносицу.

— Сначала я не поверил. Спросил, почему тогда вы все еще живете в одном доме. Он сказал, что это удобно из-за имущества и общих дел.

— И этого оказалось достаточно?

Матвей долго молчал.

Потом посмотрел мне прямо в глаза.

— Мне было проще поверить.

Я ничего не ответила.

Он продолжил:

— Я понимал, что если скажу Соне, начнется ужасный разговор. Возможно, она поссорится с отцом. Возможно, вы с ним... Я не знал, как все это закончится.

— Поэтому решил ничего не делать.

— Да.

Он опустил голову.

— Я поступил трусливо.

Я смотрела на него.

Матвей был хорошим парнем.

По крайней мере, я так считала до того ночного разговора с Соней.

Он помогал мне перевозить тяжелые коробки, когда мы меняли мебель в кабинете. Приезжал к Виктору чинить компьютер, хотя тот постоянно ворчал, что современные программы слишком сложные. Заботился о Соне.

Но сейчас я видела другую его сторону.

Человека, который столкнулся с неудобной правдой и решил, что лучше ее не замечать.

— Ты ведь мог поговорить со мной, — сказала я.

Матвей кивнул.

— Мог.

— Спросить напрямую. Без подробностей. Просто убедиться, что я действительно знаю.

— Мог.

— Почему не спросил?

Он сжал руки.

— Испугался. Что если вы не знаете, то именно я все разрушу.

Я медленно поставила чашку.

— Матвей, я узнала об измене Виктора в субботу. А если бы ты поговорил со мной пятого марта, я узнала бы на шесть недель раньше.

Он побледнел.

— Простите.

— За эти шесть недель я продолжала с ним жить. Готовила ужины. Обсуждала поездки. Помогала вам со свадьбой. Я не знала, что он встречается с другой женщиной.

Матвей опустил голову.

Я сделала паузу.

Мне не хотелось кричать на него.

Но и утешать было нечем.

— Я не считаю, что ты обязан следить за чужими браками, — сказала я. — И понимаю, что Виктор поставил тебя в очень неприятное положение. Но когда человек говорит тебе, будто его жена согласилась на любовницу, хотя ты видишь их вместе на семейных праздниках, это повод хотя бы усомниться.

Матвей кивнул.

— Я понимаю.

— Сейчас понимаешь?

— Да.

Он выглядел так, будто не спал всю ночь.

Под глазами залегли тени, губы пересохли.

— Я хотел сказать Соне несколько раз, — произнес он.

— Когда?

— В начале апреля. Потом после вашей встречи с организаторами свадьбы. Но каждый раз думал, что сейчас не время.

Я горько усмехнулась.

— У нас в семье у всех очень неподходящее время для правды.

Матвей посмотрел на меня и снова опустил глаза.

Мы молчали.

Я отпила чая и спросила:

— Ты еще с кем-нибудь обсуждал это?

— Нет.

— С отцом?

— Нет. Я рассказал ему только сегодня утром, после разговора с Соней.

Я подняла глаза.

— И что Андрей сказал?

Матвей помолчал.

— Что я должен был сначала убедиться, правда ли вы знаете.

— Что еще?

Он неловко пожал плечами.

— Сказал, что мне придется самому отвечать за свое молчание.

Я кивнула.

— Он прав.

Матвей смотрел на чашку.

— Надежда Андреевна, я люблю Соню.

Мне стало больно от этих слов.

— Знаю.

— Я не хотел ее предавать.

— Но ты скрывал от нее то, что касалось ее семьи.

— Да.

Он сжал пальцы.

— Я не знаю, как теперь это исправить.

Я задумалась.

Раньше я обязательно дала бы совет.

Сказала бы, что нужно купить цветы, пригласить Соню на разговор, объяснить все спокойно. Возможно, сама позвонила бы дочери и попросила выслушать жениха.

Я умела помогать людям мириться.

За годы брака научилась находить слова, которые смягчали чужую вину и помогали пережить неприятный разговор.

Но сейчас передо мной сидел взрослый мужчина.

Будущий муж моей дочери.

И ему самому предстояло научиться отвечать за собственные решения.

— Матвей, я не знаю, простит ли тебя Соня.

Он опустил глаза.

— Я понимаю.

— Я тоже не могу решить за нее.

— Я и не прошу.

Он посмотрел на меня.

— Просто хотел, чтобы вы знали: я не участвовал в их встречах. Не помогал Виктору Сергеевичу скрывать отношения. Я только один раз их видел. Но потом молчал.

— Я услышала.

Он кивнул.

— Простите меня.

Я долго смотрела на него.

— Мне сейчас трудно сказать, что все в порядке.

— Я понимаю.

— Но спасибо, что пришел и рассказал сам.

Матвей выдохнул.

Мы еще немного посидели.

Потом он спросил, можно ли передать Соне ее любимую книгу, которую она оставила дома.

Я посмотрела на него.

— Лучше спроси ее напрямую.

Он кивнул.

— Хорошо.

Когда мы вышли из кафе, дождь закончился.

Матвей проводил меня до машины.

— Надежда Андреевна?

Я обернулась.

— Да?

— Я действительно хочу на ней жениться.

Я посмотрела на него.

— Тогда постарайся понять, что свадьба и хороший брак не одно и то же.

Он долго молчал.

Потом тихо ответил:

— Понял.

Я села в машину.

И только когда выехала со стоянки, почувствовала, насколько тяжело мне дался этот разговор.

***

В воскресенье Соня позвонила сама.

Я в это время складывала чистое белье у Марины.

— Привет, мам.

— Привет, родная. Как ты?

— Лучше, чем вчера.

Я села на кровать.

— Ты у Лены?

— Да. Она ушла к родителям, я одна.

— Ела сегодня?

Соня вздохнула.

— Мам.

Я невольно улыбнулась.

— Все, молчу.

— Ела. Даже два раза.

Я рассмеялась.

Она тоже.

Потом замолчала.

— Матвей сказал, что встречался с тобой.

— Да.

— Вы сильно поссорились?

— Нет. Поговорили.

— Он рассказал все?

— То, что произошло пятого марта. И почему решил молчать.

Соня тихо спросила:

— Ты его теперь ненавидишь?

Я задумалась.

— Нет.

— Правда?

— Правда. Мне неприятно и больно. Но ненависти я не чувствую.

Дочь выдохнула.

— Я тоже его не ненавижу.

Она помолчала.

— Я все еще люблю его, мам.

— Знаю.

— Только когда он ко мне подходит, я вспоминаю, что он смотрел мне в глаза и ничего не говорил.

Я опустила взгляд.

— Понимаю.

— Я не хочу отменять свадьбу прямо сейчас.

— Тогда не отменяй.

— Но и продолжать подготовку пока не могу.

— Значит, сделай паузу.

Она долго молчала.

Потом сказала:

— Мне кажется, я сейчас впервые понимаю, почему ты решила развестись.

Я сжала край покрывала.

— Сонь...

— Нет, я не сравниваю Матвея с папой. Он мне не изменял. Но это ужасное чувство, когда понимаешь, что человек знал что-то важное и решил за тебя, что тебе лучше не говорить.

Я закрыла глаза.

Да.

Именно это.

— Я понимаю, родная.

— Мне теперь страшно, что я чего-то еще не знаю.

— Тогда вам придется поговорить об этом.

— Мы разговариваем. Только я пока не могу слушать его спокойно.

Я кивнула, хотя дочь этого не видела.

— Не требуй от себя немедленно успокоиться.

Соня вздохнула.

— Я попросила Матвея пока не приезжать к Лене. Он согласился.

— Хорошо.

— И еще сказала, что свадебные вопросы пока решать не будем.

Я вспомнила папку со схемами рассадки.

— У вас есть время. Если что-то нельзя будет отменить без потерь, мы разберемся.

— Мам, не надо сразу говорить «мы».

Я замолчала.

Соня продолжила:

— Я знаю, что ты хочешь помочь. Но это моя свадьба. Мы с Матвеем сами должны решить, будет ли она.

Я медленно выдохнула.

— Ты права.

Она помолчала.

— Ты не обиделась?

— Нет.

— Просто я не хочу, чтобы ты опять все делала за всех.

Я посмотрела на сложенное белье.

Сорок четыре года.

И моя двадцатитрехлетняя дочь уже заметила то, чего я сама не хотела признавать.

Я слишком часто пыталась устроить чужую жизнь так, чтобы никто не расстроился.

Даже когда собственная разваливалась.

— Хорошо, Сонь, — сказала я. — Тогда я буду помогать, только когда попросишь.

Она тихо рассмеялась.

— Запомню.

Потом мы еще немного поговорили о ее работе.

Соня рассказывала, как заказчик в последний момент потребовал изменить цвет упаковки, хотя уже утвердил макет.

Я слушала, задавала вопросы, иногда смеялась.

И впервые за последние дни наш разговор не состоял целиком из боли.

Перед тем как попрощаться, дочь сказала:

— Мам, я вчера смотрела наши старые фотографии.

Я напряглась.

— Какие?

— Из поездки на море. Когда мне было лет десять.

Я вспомнила тот отпуск.

Соня тогда боялась заходить глубоко в воду, а Виктор часами учил ее плавать, придерживая под живот.

— Хорошие фотографии, — сказала я.

— Да.

Она помолчала.

— Я не хочу их выбрасывать.

У меня защипало глаза.

— И не надо.

— Даже если вы разведетесь?

— Даже тогда.

Соня тихо вздохнула.

— Ладно, мам. Я тебе потом позвоню.

— Хорошо, родная.

Когда разговор закончился, я еще долго держала телефон в руке.

***

В понедельник утром я встретилась с юристом, номер которого дала Марина.

Его звали Сергей Павлович Громов. Мужчина лет сорока пяти, в очках с тонкой оправой, с аккуратно подстриженными усами.

Он работал в небольшом офисе возле центра города.

Я принесла документы, которые успела собрать: копии свидетельства о браке, бумаги на дом, сведения по счетам, договоры и выписки, которые были у меня под рукой.

Сергей Павлович внимательно выслушал мою историю.

Он не спрашивал, кто виноват.

Не интересовался подробностями измены.

Просто уточнял даты, документы и наличие общих несовершеннолетних детей.

— Дочери двадцать три, — ответила я.

— Понятно. Муж согласен на развод?

— Пока говорит, что не хочет разводиться.

Юрист кивнул.

— Если согласится на совместное заявление, сможете оформить расторжение брака через ЗАГС. Если нет, придется обращаться в суд.

Я сделала пометку.

— А дом?

— Дом приобретен в браке?

— Да. Мы купили участок и построили его уже после свадьбы.

— На кого оформлен?

— На Виктора.

— Само по себе это не означает, что дом принадлежит только ему.

Он объяснил основные принципы раздела совместного имущества.

Я внимательно слушала.

Оказалось, многие мои страхи были связаны с тем, что я просто не знала своих прав.

Я боялась, что Виктор сможет оставить меня без дома, потому что все документы оформлены на него.

Боялась, что мои доходы за последние годы окажутся слишком маленькими, чтобы претендовать на равную долю.

Боялась, что придется доказывать, сколько раз я готовила ужин и сколько времени занималась семьей.

Юрист спокойно объяснил, что подобные вопросы решаются иначе.

— Если супруг готов договариваться, можно заключить нотариальное соглашение о разделе имущества, — сказал он. — Если нет, будем смотреть документы и обсуждать судебный порядок.

— А если я уже живу отдельно?

— Это не лишает вас прав.

Я выдохнула.

Потом спросила о накоплениях.

Мы обсудили счета, автомобили, общие расходы и документы, которые еще нужно было получить.

Сергей Павлович посоветовал не принимать поспешных решений, ничего не подписывать без проверки и не отказываться от своей доли только ради быстрого завершения конфликта.

— У вас есть собственный доход? — спросил он.

— Да. Я работаю редактором.

— Стабильный?

— Заказы постоянные. Суммы бывают разные.

— Хорошо. Тогда стоит отдельно составить личный бюджет на ближайшие месяцы. Чтобы вы понимали, какую аренду можете позволить себе до раздела имущества.

Я кивнула.

Мы поговорили еще почти полчаса.

Когда встреча закончилась, я вышла на улицу с папкой документов и несколькими страницами записей.

Странно, но мне стало легче.

Не потому, что развод вдруг показался простым.

Просто впервые за последние дни у меня появился понятный план.

Я могла искать квартиру.

Могла продолжать работать.

Могла договариваться о разделе дома.

И мне не нужно было ждать, пока Виктор решит, что я достаточно успокоилась.

***

После встречи с юристом я поехала в небольшой сквер возле издательства.

Села на скамейку и позвонила мужу.

Он ответил после третьего гудка.

— Надя?

— Нам нужно встретиться по поводу развода.

Несколько секунд он молчал.

— Ты действительно была у юриста?

— Да.

— Быстро же ты.

Я посмотрела на деревья.

— Мне нужно понимать, как решать имущественные вопросы.

— Можно было спросить меня.

— Я и собираюсь с тобой поговорить.

Виктор тяжело вздохнул.

— Хорошо. Когда?

— Сегодня вечером можешь?

— После семи.

— Давай в семь тридцать. В кафе возле дома.

— Почему не дома?

Я помолчала.

— Мне будет спокойнее разговаривать в нейтральном месте.

Он не стал спорить.

— Хорошо.

***

Виктор пришел вовремя.

На нем был темный пиджак и светлая рубашка. Он выглядел уставшим.

Когда увидел меня, на секунду остановился.

Потом подошел к столику.

— Привет.

— Привет.

Он сел напротив.

Официантка принесла меню, но мы оба отказались от еды.

Виктор заказал кофе.

Я взяла воду.

Несколько минут мы говорили о документах.

Я объяснила, что хочу разводиться, снять отдельную квартиру и позже договориться о разделе имущества.

Он слушал молча.

Когда я закончила, Виктор спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.